

K.I.B.

CORVUS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

K.I.B.

Corvus [Ворон]

«Автор»

2026

К.И.В.

Corvus [Ворон] / К.И.В. — «Автор», 2026

В семнадцать лет Джун Харрис получает необычное школьное задание по литературе: написать незнакомцу и обсудить с ним книги. Но одна ошибка в адресе отправляет её письмо совсем не тому человеку. Так оно оказывается в руках Алекса, смотрителя старого кладбища Торнвейла. Он проводит ночи среди надгробий, делит своё одиночество лишь с вороном и прячет за холодностью прошлое, о котором предпочитает не говорить. Переписка превращается в игру из загадок и подсказок, а затем во встречи среди осенних лесов и могил. Незнакомец постепенно становится для Джун первой настоящей любовью. Пока однажды её мир не рушится, а человек, которого она полюбила, не оказывается самым настоящим монстром. Пять лет спустя Джун получает то, о чём мечтала с первого дня обучения в университете Майндридж: практику в психиатрической клинике Святой Димфны. Она уверена, что наконец начинает новую жизнь. Но чем глубже она погружается в мир клиники, тем отчётливее становится ощущение, что прошлое вовсе не осталось позади.

© К.И.В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

CORVUS	5
Плейлист	7
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Corvus [Ворон]

CORVUS

Авторское право© К.И.В., 2026. Все права защищены.

Данное произведение, включая его текст, персонажей, сюжет и художественное оформление, является объектом авторского права. Любое копирование, воспроизведение, распространение, публикация, переработка или иное использование — полностью или частично — без письменного разрешения автора запрещено.

Все персонажи, события и обстоятельства являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, событиями или организациями случайно.

Название книги является моей интеллектуальной собственностью.

Дизайн обложки разработан К.И.В.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ТРИГГЕРАХ

Эта книга — тёмная история. Она не для всех.

Прежде чем перевернуть первую страницу, пожалуйста, позаботься о себе. Внутри тебя ждут сцены, которые могут быть тяжёлыми, болезненными или опасными для твоего эмоционального состояния. Я писала *CORVUS* не для того, чтобы шокировать, а для того, чтобы рассказать о боли, о том, как даже в самой глубокой темноте можно найти свет — но путь к нему будет тяжёлым.

Если что-то из перечисленного ниже тебя ранит — пожалуйста, будь осторожен. Твоё здоровье важнее любой истории.

Триггеры, которые встречаются в книге:

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ

Психические расстройства и жизнь в психиатрической клинике

Шизофрения, параноидная форма

Галлюцинации, голоса в голове

Биполярное расстройство, мания

Тяжёлый депрессивный эпизод

Антисоциальное расстройство личности

Психопатия

Суицидальные мысли и попытки

Самоповреждение

Панические атаки, сонный паралич

Клаустрофобия (подвалы, клетки, замкнутые пространства)

Сцены насилия в клинике (нападение пациента, уколы, фиксация)

НАСИЛИЕ И ЖЕСТОКОСТЬ

Насилие над детьми

Сексуализированное насилие над несовершеннолетними

Педофилия
Домашнее насилие
Психологическое и эмоциональное насилие
Физическое насилие (избиения, побои, ремень, кулаки)
Убийства и расчленение тел
Кровь, насилие, пытки
Убийство животных (воспоминание, без графичного описания)
Удержание против воли, похищение
Сцены с ножом, молотком, удушением
Сожжение тела
Стрельба, перестрелки

СЕМЬЯ И ТРАВМА

Смерть близких, потеря семьи
Горе, утрата, траур
Похороны, могилы
Родитель, причиняющий вред ребёнку
Мать, не защитившая детей
Отказ от ребёнка
Предательство близких

ТЁМНЫЕ ТЕМЫ

Культы и сатанинские ритуалы
Жертвоприношения
Обряд посвящения, подношения
Секты и тайные общества
Манипуляции и газлайтинг
Сталкерство и преследование
Токсичные отношения, созависимость
Обесценивание и унижение

СЕКСУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ (18+)

Откровенные сцены
Секс с элементами агрессии (шлепки, удушение, укусы)
БДСМ-элементы (доминирование, приказы, наказание)
Грубая речь во время секса
Сцены самоудовлетворения
Сексуальное напряжение между персонажами

ВЕЩЕСТВА И ЗАВИСИМОСТИ

Употребление алкоголя
Курение сигарет
Наркотические вещества
Отравление

ПРОЧЕЕ

Смерть от утопления
Смерть от взрыва
Погоня
Описания ран, крови, шрамов

Плейлист

Mon Européenne — Saez
We Hit a Wall — Chelsea Wolfe
After the Fall — Chelsea Wolfe
Follow You Into The Dark — Alan Wake, RAKEL
Dangerous (From The “American Psycho” Comic Series Soundtrack) — Perturbator, Kabbel
Wicked Game (feat. Emma Hewitt) — Matthew Mayfield
He's My Man — Luvcat
Butterfly — SHIRRA
Отказываю небу — pyrokinesis
Taurus (From The Motion Picture) — mgk, Naomi Wild
То ли — лампабикт
Не верю — лучнадежды
Soldier — Alexiane
Gotham — XOV
Something in the Way — Midoca
Harbinger — Kiki Rockwell

*Всем, кто перед сном выдумывает свои сказочные миры и самых верных друзей.
Я с вами.*

*Для тебя.
Даже если тебя больше нет в этом мире,
я надеюсь, что ты воскреснешь на страницах моей книги.*

Сьюзи, я так тебя люблю.

*Если бы не ты, то я бы не написала НИ ОДНОЙ ТАКОЙ УЖАСНОЙ КНИГИ (ШУЧУ).
Если бы не ты, то я бы даже не смогла открыть Word и начать видеть в своих словах
смысл.*

*Спасибо, что ты всегда веришь в меня больше, чем я верю в себя.
Возьми свой любимый напиток, набери любимых мармеладок и начни читать историю,
которая, я надеюсь, тебе понравится.*

P.S. Если тебе не понравится, то можешь закинуть меня в чёрный список, я не обижусь.

ОТ АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ

*Спасибо, что обратили внимание на мой дебютный роман и решили потратить своё
время, чтобы дать шанс Джун и Алексу рассказать свою тёмную сказку.
Пусть эта история подарит вам действительно классные эмоции.
Приятного чтения.
Со всей любовью,
К.И.В.*

ПРОЛОГ

— Хочешь, я расскажу тебе сказку, мой пасмурный нежный день?

Его голос ласкает мои уши. Он проводит языком по мочке и кусает её.

— Какую? — говорю я со стоном.

Его бёдра приближаются ближе, дыхание учащается.

— Про злого монстра из тёмного-тёмного леса и его фею. — *Толчок.* — Жил-был один монстр. Его мысли были такие тёмные, они съедали его разум каждый день, и из-за этого он никогда не видел света. — *Толчок.*

Мои пальцы со всей силы сжимают одеяло, и я пытаюсь слушать его сказку, пока сгораю от желания и наслаждения его движениями.

— Однажды монстру повезло в своём тёмном-тёмном лесу увидеть луч света, — между толчками, которые с каждым разом становятся всё быстрее, он продолжает свой рассказ. — Это была фея. Её крылья и волосы искрились под луной. — *Толчок.*

— Прошу... — умоляю я его.

— Шшш. Дослушай историю, и тогда я позволю тебе кончить.

Я чувствую, как мир вращается вокруг меня.

— Монстр наблюдал за феей и боялся её спугнуть. Он не знал, как подойти и заговорить с ней. — он приближается к моему уху, и голос понижается до шёпота. — Так продолжалось очень долго, но монстр не мог больше ждать, и тогда он взял банку, отправился в лес и напал на фею.

Дыхание замирает.

— Стеклобанная банка стала клеткой для феи. Она летала там, билась своими волшебными крыльями и пыталась выбраться, а монстр в тени наблюдал за этим. Он смотрел, как жизнь уходит из неё, как свет гаснет. — его движения становятся ещё более яростными.

Моё дыхание сбивается, капли влаги скатываются по бёдрам, как жемчужины, и он собирает их пальцами и снова мучает меня круговыми движениями.

Я больше не могу. Я не справлюсь.

— Пожалуйста... — умоляю я его.

— Монстр знал, что время — ценный ресурс. Его всегда не хватает. Он продолжал смотреть, как фея мучается и просит его о свободе, но, как ты уже поняла, монстр был эгоистом. Он никогда бы не выпустил её.

— Умоляю...

Я ломаюсь. Я порхаю, как фея из его рассказа. Мне нужно ещё.

— Монстр убил фею, погасил её свет и сам умер во тьме. У меня вопрос для тебя. Ответь мне честно.

— Да...да, хорошо, — мой голос дрожит.

— Ты станешь моей феей? Ты подаришь мне свой свет? Не боишься ли ты своей стекляннoй банки?

— Я готова. Я отдам тебе всё.

Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего на все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать, да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!

А. С. Пушкин, «Капитанская дочка»

ГЛАВА 1

ДЖУН

Я верю в тебя, мой талисман

Настоящее время, 22 года, Ривербрук

Мелодия. Противная, надоедливая мелодия врезается в мой череп, не давая вернуться обратно в сон. Кажется, она звучит уже целую вечность, пока я наконец не протягиваю руку и не нахожу телефон на тумбочке. Провожу пальцем по экрану, и тишина накрывает комнату такой густой волной, что на мгновение я начинаю слышать только своё прерывистое дыхание.

Я лежу неподвижно, глядя в серый потолок. Дождь за окном шумит монотонными ударами по стеклу, и этот звук смешивается с редкими порывами ветра, который качает ветки деревьев всё сильнее с каждой секундой. Холод касается моих ступней, и я ещё больше заворачиваюсь в одеяло, как в защитный кокон.

Я не хочу вставать. Хочу провалиться обратно в сон и никогда больше не открывать глаза. Но будильник уже сработал, а значит, мне нужно поднять себя через моё большое «не хочу». Сегодня один из тех дней, когда нельзя опаздывать, даже если мне хочется сделать вид, что я умерла для всего мира.

Я лениво сажусь на кровати, и старый матрас скрипит подо мной. Пол под ногами холодный, и я вздрагиваю, когда ступаю на него босыми ступнями.

Мой дом маленький, тесный, каждая комната кажется ещё меньше из-за старой мебели, которую я приобрела в комиссионном магазине: мой любимый комод из старого дерева, его продали совсем дёшево из-за отсутствия ручек, уютное кресло с обивкой синего цвета, шкаф, который скрипит при каждом открытии, и серая кровать без излишеств, с этим жутким матрасом для убийства позвоночника. Но здесь, среди всего этого хлама, я чувствую себя в безопасности. Здесь я могу спокойно дышать, а это для меня главное на данный момент.

— Бу, — говорю я в тишину. — Бу, ты где?

Сначала шорох, потом я слышу топот маленьких лап по деревянному полу, и в дверном проёме появляется чёрная тень с двумя жёлтыми глазами, которые светятся в сером утреннем свете.

Я смотрю на кота и невольно улыбаюсь. Он выглядит так, будто только что проснулся — лениво щурится, потягивается и садится на пороге, облизывая переднюю лапу с королевским достоинством.

— Ты должен был разбудить меня, — говорю я, стараясь придать голосу строгость. — Ты мой талисман, Бу, а ты вместо этого спишь как убитый.

Кот смотрит на меня, и в этом взгляде столько презрения, что я почти чувствую себя виноватой. Потом он мяукает в своей требовательной манере — и я понимаю, что спор окончен, и я проиграла.

— Ладно, пошли завтракать.

Кухня в моём домике крошечная: раковина с пятнами, которые я уже давно перестала оттирать, плита с двумя конфорками, и подоконник, который я всё никак не покрашу. Зато из окна видно то, ради чего я, наверное, и выбрала этот домик: сосны. Тёмные, высокие, влажные от дождя, они стоят вокруг моего дома плотной стеной, как живая изгородь между моим тихим убежищем и остальным миром. В тумане их силуэты кажутся чёрными копьями, уходящими в серое небо.

Я открываю шкафчик и достаю корм — ему повезло, запас есть, я купила его ещё неделю назад. Насыпаю щедрую миску, ставлю на пол и смотрю, как кот с достоинством принимается к еде, прежде чем начать есть.

— Ешь, — говорю я тихо. — Ты должен принести мне удачу. Сегодня очень важный день, Бу.

Кот, разумеется, не отвечает. Он просто ест, и его хвост подрагивает от удовольствия.

Со вздохом я отхожу от своего друга и иду в ванную комнату.

Холодная вода впивается тысячей игл в кожу, вырывая остатки сна, заставляя моё тело окончательно проснуться. Я стою под струями, прикрыв глаза, и думаю о том, что сегодня — тот самый день, которого я ждала три года. Распределение. Практика. Я мечтала об этом с первого курса. Бессонные ночи над учебниками, ни одного пропуска, идеальная успеваемость, и всё ради того, чтобы заслужить шанс наконец-то оказаться там, где я всегда мечтала. Клиника Святой Димфны. Если всё пройдёт по моему плану, то с рекомендательным письмом из этой клиники мне открыты любые дороги. У меня будет выбор, а это уже многого стоит.

Я поворачиваю кран, выключая воду, и дрожащими пальцами натягиваю полотенце.

Я бегу обратно в комнату, оставляя за собой мокрые следы на холодном полу. Дрожь пробирает до костей, но я не останавливаюсь — натягиваю на себя заранее приготовленную одежду: чёрную толстовку с эмблемой университета Майндридж, чёрные джинсы. Волосы ещё влажные, я собираю их в тугую, высокий хвост и на секунду замираю перед зеркалом. Бледное лицо, тёмные круги под глазами — их не скрыть даже тональным кремом. Но если честно, то мне совсем нет до этого дела в последнее время. Я слишком много тружусь над своим будущим и как-то не успеваю следить за появлением усталости на моём лице.

Я подхожу к Бу, который уже закончил есть и теперь сидит на подоконнике, глядя на ветки, которые каждый раз от порыва ветра касаются окна.

Провожу рукой по его чёрной шерсти.

— Я ухожу, — шепчу я. — Ты остаёшься за главного. И ты должен помочь мне, хорошо? Даже на расстоянии. Я верю в тебя, мой талисман.

Кот поворачивает голову, смотрит на меня, и на секунду я почти уверена, что он понимает каждое слово. Я глажу его пять раз по голове и три раза по хвосту — ритуал, без которого я не выхожу из дома уже два года. Глупо, наверное, но я чувствую себя так намного спокойнее.

Я делаю пару вдохов и выдохов, хватаю сумку и выхожу из дома.

Осень бьёт в лицо сразу же, как только я переступаю порог. Сырой, холодный воздух пахнет мокрой сосной, прелыми листьями и землёй. Мне нравится этот запах, он всегда успокаивает меня и возвращает к реальности. Я любитель романтизации осени, дождя и особенно гроз.

Я оборачиваюсь на мгновение и ловлю себя на мысли, что мой дом — это отражение меня самой. Маленький, серый, неприметный. Он теряется среди высоких сосен, с одной ступенькой на крыльце и крошечным задним двором, где я так и не убрала упавшие листья. Вокруг — плотная стена леса и ни одного соседа. Только дорога, которая уходит вниз, петляет между деревьями и ведёт в Ривербрук — центр жизни и цивилизации.

Я сажусь в свою старенькую Хонду. Я купила её вынужденно, когда только начала учиться, потому что другого выбора не было. На самом деле я ненавижу водить. Каждый раз внутри меня просыпается тревога, и я просто хочу поскорее добраться до места, чтобы выдохнуть. Но без этой машины я бы не справилась. Мой университет находится на краю городка, а автобусы сюда не ходят. Так что я смирилась с этой участью. В салоне пахнет сыростью и дешёвым освежителем, который я купила в супермаркете — он только добавляет странный сладкий аромат к запаху влаги. Я поворачиваю ключ зажигания. Двигатель издаёт слабые звуки, но не оживает.

— Давай, старушка, — шепчу я, сжимая руль с силой. — Ты мне сегодня нужна. Пожалуйста.

На этот раз двигатель просыпается, издаёт хриплый звук и начинает работать.

Я выдыхаю и откидываюсь на сиденье, чувствуя, как напряжение отпускает плечи. Спасибо, Бу. Наверное, это ты постарался. Или просто моя машина решила быть щедрой в этот раз.

Включаю стереосистему, и из динамиков раздаётся медленная, тягучая мелодия "*Soldier*" *Alexiane*. Голос плывёт сквозь шум дождя, и я пытаюсь подпевать. Получается откровенно плохо — потому что внутри меня вулкан тревожности, готовый вот-вот начать извергаться. Пальцы дрожат на руле, колени трясутся, я сжимаю губы, чтобы не закричать. Я пытаюсь отвлечься, занять голову чем угодно, лишь бы не думать о том, что ждёт впереди.

Дорога к университету занимает около пятнадцати минут, а иногда и двадцать — если погода совсем плохая. Я еду через лес, мимо сосновых рощ, поворота к озеру и пляжу, которого почти не видно в густом тумане.

Ривербрук — это олицетворение осени. Постоянный туман, дожди, серое небо. Иногда мне кажется, что за всё время, что я здесь живу, солнце побеждало в войне с дождём всего несколько раз.

В маленьких домах вдоль дороги только зажигается свет, чуть дальше мелькают вывески придорожных кофеен, мерцающие в темноте, и заправка, где останавливаются все местные. И я люблю его за эту тишину. Люблю его улочки, старые дома, этот вечный туман, потому что всё это напоминает мне о доме.

Я проезжаю мимо книжного магазина "*Old Pages*"¹, который, кажется, работает уже целую вечность в этом городе, его вывеска покосилась, но в целом выглядит уютно. Я часто забегаю в него, чтобы купить пару книг, которые я прочитаю за два вечера. Чуть дальше вижу кофейню тёти Мэй — маленькую, уютную, с красными занавесками, где всегда пахнет свежим кофе и мёдом. Иногда я заезжаю туда по утрам, но сегодня, увы, у меня нет на это времени.

Центральная площадь пустая — скорее всего, из-за дождей, которые не прекращаются уже целую неделю. Никто не хочет находиться на улице в такую погоду.

Наконец я въезжаю на территорию университета.

Майндридж всегда выглядит немного зловеще в такую погоду. Огромное белое здание, бывшая больница, когда-то принимавшая пациентов, теперь стало храмом знаний. Четыре этажа с панорамными окнами, тёмный вход и старые каменные стены, которые, кажется, помнят каждую минуту своей прошлой жизни. В тумане университет выглядит почти призрачным — серые контуры размываются, становятся нечёткими, из-за этого кажется, что здание растворяется в дымке.

Когда я впервые увидела его три года назад, меня пробрал холод. А теперь я чувствую здесь странный покой. Я всегда представляла, как буду входить в эти двери. Представляла себя на лекциях, с кучей учебников и, самое главное, с целью.

Я паркуюсь на свободном месте, хватаю сумку и выхожу из машины. Ветер бьёт в лицо вместе с каплями дождя. Я натягиваю капюшон и бегу к главному входу. Внутри тепло, пахнет старым деревом и цветами. Коридоры широкие, высокие потолки, и в воздухе летают пылинки, когда я бегу до нужного мне кабинета.

Сегодня у меня занятия по психиатрии у Мистера Мюлера. Он не любит опозданий. Я знаю это, я слышала это от старшекурсников каждый день, и всё равно я опаздываю.

— Чёрт, — шепчу я, пока бегу к нужной двери.

Стучу дважды и слышу раздражённый голос:

— Войдите.

Я стараюсь открыть дверь более бесшумно, но она всё равно издаёт мерзкий скрип.

Мистер Мюлер стоит у своего стола, скрестив руки на груди. Чёрные волосы, серые глаза — колючие, цепкие, как иглы, которые готовы пронзить тебя насквозь. Он смотрит на меня с лёгким раздражением, но не говорит ни слова.

— Извините за опоздание, мистер Мюлер, — говорю я, стараясь звучать спокойно. — Моя машина сегодня не хотела упрощать мне задачу добраться до места.

Наступает пауза, слишком долгая для того, чтобы я начала теряться в ощущениях стыда. Я чувствую, как под его взглядом начинаю краснеть, но стараюсь держать спину прямой и смотреть прямо ему в глаза.

— Мисс Харрис, — наконец говорит он. — Я не люблю опозданий. Но по вашей отдышке и красным щекам я вижу, что вы искренне старались успеть. Проходите и садитесь, — он указывает рукой на моё место.

Я выдыхаю так глубоко, что почти слышу, как воздух со свистом выходит из лёгких. Нахожу взглядом Кесси — она сидит на третьем ряду, смотрит на меня с выражением ужаса и восхищения одновременно. Её волосы цвета тёмного шоколада собраны в высокий пучок, а карие глаза, пронзительные, как у жуткой куклы, искрятся от смеха, который она пытается скрыть

Я сажусь рядом с ней, и она наклоняется ко мне, прикрывая рот ладонью.

— Ты выглядишь как сбежавшая проститутка, — шепчет она. — От клиента, который внезапно умер прямо в процессе.

Я фыркаю, но смех застревает где-то в горле.

— И тебе доброе утро, сучка, — шепчу я в ответ и рассматриваю её внимательно. — Ну если бы это было так, то я бы не ездила на такой старой машине, которая заводится лишь с помощью молитв.

Кесси давится смехом, её плечи начинают трястись, она пытается сдержаться, но у неё плохо получается.

— 1:1, — шепчет она, вытирая выступившие слёзы. — Но серьёзно, Джун. Что случилось? Ты никогда не опаздываешь. Сегодня же суперважный день для тебя. Я думала, ты умрёшь от волнения, пока дождёшься этого момента.

— Мой будильник подвёл меня, — отвечаю я, кладя сумку на колени. — А Бу, видимо, обиделся и не разбудил, хотя я просила его об этом. А ещё и машина сказала мне идти в зад.

— Ладно, ты тут, и это главное, — шепчет она.

Я пытаюсь повесить без лишнего шума сумку на спинку стула сзади себя, но когда я оборачиваюсь, то случайно локтем задеваю Кесси. От страха, что я могла её сильно ударить, мои колени задевают край стола, и мои книги вместе с тетрадями падают на пол с грохотом.

Я с красными щеками и приступом кашля начинаю собирать всё с пола. Кесси наклоняется мне помочь и, когда поднимается обратно, её голова ударяется прямо об угол. С приступом шипения и неконтролируемого смеха она смотрит на меня.

И я умираю от стыда уже второй раз за это утро.

— Мисс Дрю! Мисс Харрис!

Голос Мистера Мюлера пронзает аудиторию, как лезвие. Мы мгновенно замолкаем, выпрямляемся, и я чувствую, как жар приливает к щекам. Мистер Мюлер смотрит на нас поверх очков, и в его серых глазах я не вижу ничего, кроме лёгкого, почти неуловимого раздражения.

— Я надеюсь, вы сегодня сможете отнестись к занятиям серьёзно, — говорит он, отворачиваясь к столу. — Я зачитаю список распределений. Надеюсь, что каждый из вас выполнит свои задачи должным образом.

— Извините, — шепчу я с горящими щеками.

Я выпрямляю спину, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, где-то в горле. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки под партой, и я скрещиваю их за спиной, как делаю всегда в такие моменты. Я молюсь всем кошачьим богам, всем духам удачи, всем, кто, как я надеюсь, может меня услышать.

— Пожалуйста, — шепчу я одними губами, не сводя глаз с листка бумаги в руках Мистера Мюлера. — Пожалуйста, Святая Димфна. Я так давно мечтаю об этом.

Мистер Мюлер поднимает лист, и его голос звучит чётко и безэмоционально:

— Сесилия Фрост — клиника Святого Луки. Не забудьте все важные документы, поздравляю вас.

Он продолжает. Имена летят одно за другим. Мои пальцы сжимаются до боли, я почти не дышу, и каждая секунда кажется вечностью.

— Кесси Дрю — клиника Святой Димфны.

Я поворачиваю голову и смотрю на Кесси. Она смотрит на меня, и в её глазах я вижу всё: радость за себя и страх за меня. Потому что мест в клинике Святой Димфны всего несколько. И если одно из них занято Кесси, значит, свободных практически не осталось.

Мои плечи поникают. Надежда уходит так быстро, что я почти не чувствую этого — просто пустота. Я опускаю глаза, смотрю на свои руки, сжатые в кулаки, и понимаю, что сегодняшней день окончательно и бесповоротно превратился в один из самых дерьмовых дней в моей жизни.

Но голос Мистера Мюлера продолжает звучать, пробиваясь сквозь шум в моей голове, как луч света сквозь тучи.

— Джун Харрис, — говорит он, и я поднимаю глаза так резко, что шея хрустит. — Клиника Святой Димфны. Поздравляю. Не забудьте документы.

Я застываю. Сердце перестаёт биться на одну долгую, бесконечную секунду.

— Что? — выдыхаю я, и мой голос звучит сипло.

Кесси встряхивает меня за плечо, её карие глаза сияют так ярко, что я на секунду слепну.

— Ты слышала, Джун? — её голос звенит от счастья. — Ты попала! Ты тоже попала!

Я смотрю на неё, и слёзы наворачиваются на глаза. Я пытаюсь их сдержать, но они всё равно текут, оставляя влажные дорожки на щеках.

Я попала. Я попала в клинику Святой Димфны. Туда, где я мечтала быть с первого курса. Туда, куда я так хотела попасть, так сильно, что мне это снилось каждую ночь.

— Я попала, — шепчу я, и слова звучат как заклинание. — Я там буду.

Мистер Мюлер смотрит на меня, и я не могу разобрать, что скрывается за его серыми глазами. В них что-то проскальзывает — одобрение, может быть, или просто усталость. Он коротко кивает и отворачивается к столу, перебирая в руках остальные бумаги.

Я беру свои слова назад. Этот день — не дерьмовый. Он лучший в моей жизни.

Спасибо тебе, Бу. Ты сделал это. Я знала, что могу на тебя рассчитывать.

ГЛАВА 2

ДЖУН

Уверена, ты перевернёшь мой мир

Прошлое, 17 лет, Торнвейл

Сегодня понедельник. Яркое солнце проникает сквозь шторы, и я улыбаюсь тёплым лучам, чувствуя, как они касаются моего лица. Торнвейл радуется своей тёплой погодой впервые за очень долгое время — обычно здесь всегда серо и дождливо. За окном — зелёные холмы, которые уже начинают желтеть, и высокие старые деревья, растущие вдоль нашей улицы, с которых медленно падает листва.

Наконец-то осень. Лето проходило слишком скучно в этом году. Я либо запиралась в своей комнате, жуя попкорн и пересматривая любимые выпуски тру-крайма, либо сидела под старым дубом около дома с очередной книгой.

Сегодня первый день в школе после каникул. Внутри меня гудит предвкушение — я увижу свою лучшую подругу Кесси спустя почти два месяца. В начале каникул она уехала

со своей семьёй в Россию, навестить бабушку Марию. Я безумно по ней скучала: звонков и сообщений было недостаточно. Мы говорили по телефону почти каждый день, созванивались по видео, отправляли друг другу тысячи сообщений. Но это всё не то — мне жутко не хватало её. Когда Кесси рядом, мир становится громче, ярче, смешнее. Без неё он был приглушённым и до безумия скучным.

В скомканных одеялах я едва нахожу свой телефон и набираю сообщение с улыбкой на лице.

СМС

Джун: *Сегодня твой лучший день. Ты снова увидишь моё лицо, надеюсь, ты этому рада, как и я, сучка. :**

Ответ приходит быстро. Я знаю, что мы с Кесси мечтали об этом дне с того самого момента, как она села в самолёт. Когда я провожала её в аэропорту, она сжимала меня так крепко, что я думала, у меня треснут рёбра. *«Я вышлю тебе открытку из Москвы, — говорила она. — Будешь смотреть на неё и плакать от тоски».*

Я так и не получила открытку. Кесси призналась потом, что забыла её купить. Но зато она нашла для меня пару интересных книг из библиотеки её бабушки. Сказала, что привезёт их мне и я смогу оставить их у себя навсегда.

И как можно не любить эту девушку? Она всегда говорит, что ей повезло встретить меня, но на самом деле это я выиграла в лотерею у судьбы, когда в моей жизни появилась Кесси Дрю.

СМС

Кесси: *О, нет. Я не хотела уезжать из Москвы и держалась за все дверные косяки руками и ногами, чтобы только снова тебя не видеть, сучка. Ладно, я вру. Скоро увидимся, и я обниму тебя до хруста — приготовься.*

Я громко смеюсь, читая её сообщение.

Кесси — мой лучик света. Она единственная, кто всегда понимала меня без слов. Мы стали лучшими подругами, когда нам было по десять. Тогда она только переехала из России, и её английский был очень плох. Она путала слова, строила предложения странно, и в школе её часто дразнили. Я слышала, как старшие девочки смеялись над её акцентом, и что-то во мне тогда щёлкнуло. Я подошла к ней, взяла её за руку и сказала: *«Не обращай внимания. Я помогу тебе. Обещаю, что больше никто не будет над тобой смеяться».*

Она посмотрела на меня тогда своими карими глазами — такими же яркими, как сейчас — и улыбнулась. Мы поклялись о вечной дружбе нашими детскими мизинцами и больше никогда не расставались. С тех пор прошло семь лет, и я не представляю своей жизни без неё.

Смех разносится по комнате, отражается от стен моей спальни. Моя комната — маленькое убежище. Стены выкрашены в бледно-зелёный цвет, шторы — лёгкие, прозрачные. Я люблю, когда окно в моей спальне открыто, тогда звуки грома и дождя делают мой мир здесь ещё уютнее. На стене — постеры с цитатами из книг, которые я люблю. На тумбочке — стопка книг, которые я взяла почитать на лето. На полу — ковёр, выцветший, но мягкий. И везде — книги. Они лежат на столе, на подоконнике, на полу, даже под кроватью. Родители говорят, что у меня книжный беспорядок, но я не считаю это беспорядком. Это скорее карта моего личного мира.

Я пытаюсь расчесать свои волосы, которые постоянно путаются. Их чёрный угольный цвет достался мне от бабушки, на их фоне моя кожа кажется всегда бледной, но веснушки на щеках придают хоть какой-то живой оттенок лицу.

Надеваю свои любимые кеды — белые, с красными шнурками, они уже потёртые, но я их обожаю.

Поправив волосы ещё раз, я в последний раз смотрю на себя в зеркало и выбегаю с улыбкой из комнаты. Спускаюсь по лестнице вниз, перепрыгивая через ступени одну за другой, и чувствую запах блинов. Мама всегда готовит блины в первый день после каникул — это наша традиция.

— Мама, доброе утро, я уже убегаю! — быстро говорю я, целуя её в щёку.

Она стоит у плиты, в руках у неё лопатка, а на столе уже горка блинов. Мама — женщина с мягкими чертами лица, светлыми волосами, которые она собирает в пучок, и глазами такого же цвета, как у меня. Она всегда пахнет выпечкой и чем-то сладким. Отец говорит, что он влюбился в неё именно за этот запах.

— О, милая. Кесси тебя уже ждёт или тебя подвезти? — она поворачивается ко мне и улыбается. — Ты как всегда в своём темпе.

— Она уже едет ко мне, спасибо, — говорю я, хватая со стола блин и сворачивая его в трубочку. — Хорошего вам дня с папой. Передай ему привет!

— Он в гараже, возится со своей старой машиной, — мама смеётся. — Передам, когда он вылезет оттуда.

Мой отец Джон Харрис — местный шериф, и его служебная машина постоянно требует ремонта, из-за этого он проводит всё своё время в гараже, особенно в выходные.

— Элли, запах просто чудесный.

Я слышу довольный голос отца и оборачиваюсь, когда он входит на кухню. Он высокий, с лёгкой сединой на висках и добрыми глазами. В руках у него тряпка, которой он пытается вытереть руки от машинного масла. Он смотрит на меня и улыбается нежно.

— Ты как метеор, Джун, — говорит он. — Влетаешь и вылетаешь. Мы тебя только на секунду увидели.

— Пап, я проспала, — отвечаю я, уже стоя в дверях. — Но я тебя люблю. И маму. И блины.

— Это главное, — он кивает и берёт один горячий блин с тарелки. — Иди. Не опаздывай.

Я посылаю родителям воздушный поцелуй и выбегаю за дверь.

Машина Кесси уже стоит у нашего дома — старенький синий седан, который её отец купил ей на шестнадцатилетие. Я вижу её улыбку сквозь лобовое стекло, и сердце пропускает удар. Открываю дверь, влетаю на переднее сиденье, бросая свою сумку назад, мы сразу же одновременно визжим от счастья. Я притягиваю Кесси в свои объятия и сжимаю со всей силы.

— Джун, я так скучала по тебе, — шепчет Кесси, прижимая меня к себе.

— Я думала, что не переживу эти два месяца без тебя, — отвечаю я, вдыхая её запах — ваниль и что-то сладкое, она всегда так пахнет. — Расскажи, как прошла поездка в Россию, мне интересно узнать абсолютно всё.

Кесси выпускает меня из объятий, вздыхает и заводит машину, выезжает на дорогу и бросает свой взгляд в зеркало заднего вида.

— Знаешь, сначала там было безумно скучно, — говорит она, держа руль одной рукой. — Я забыла свой родной язык, Джун. Совсем забыла. Когда бабушка обнимала меня и начинала говорить что-то быстро по-русски, я ничего не понимала. Я стояла и просто улыбалась. — Она замолкает на мгновение. — Мне было стыдно, Джун. Это моя родина, но я чувствовала себя так, будто уже не часть этого. Понимаешь?

Она переводит на меня свои грустные глаза и сжимает руль с силой. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри поднимается что-то тёплое и нежное, что-то, что я хочу передать ей.

— Кесси, ты переехала из России, когда тебе было десять, и не была там целых семь лет. Это нормально. Ты начала погружаться с головой в новый мир, учить с нуля чужой язык. Ты справлялась с трудностями твоего нового дома. Главное, что ты любишь своих родных. Какая разница, на каком языке ты скажешь им о своих чувствах? Они поймут.

Я тянусь к ней и сжимаю её руку, улыбаясь. Она смотрит на меня, и я вижу, как в её глазах тает грусть.

— Ты права, — говорит она тихо. — Просто иногда это чувство слишком сильное. Как будто я потеряла часть себя по дороге.

— Ты её найдёшь, — говорю я уверенно. — Мы найдём.

Она пожимает плечами и опускает голову мне на плечо на секунду, прежде чем выпрямиться и взглянуть на дорогу.

— Я люблю тебя, — произносит она тихо на русском, и я знаю, что это значит.

— И я тебя люблю, — отвечаю я.

Она улыбается, и мне сразу становится легче.

— Может, ты сегодня придёшь ко мне на ночь? — спрашивает она, сворачивая к школьной парковке. — Мы сможем поговорить, и ты расскажешь, как провела эти два месяца без своей лучшей подруги. Наверное, ты умирала от скуки. Я знаю, что твои книги были единственным развлечением.

— Конечно, — говорю я. — Надеюсь, мои родители не будут против. Если что, я скажу, что мы с тобой разбирали домашнее задание.

— Отличное прикрытие, — подмигивает она.

Мы собираем вещи и выходим из машины. Осень уже берёт своё — приятный ветер треплет наши волосы, и в воздухе чувствуется запах мокрых листьев и земли. Идя через школьную парковку, я оглядываюсь по сторонам. Вдруг за время каникул здесь что-то поменялось? Однако всё осталось на своих местах. Старое здание школы с белыми колоннами, большими окнами и вывеской «*Торнвейлская средняя школа*» совсем не изменилось. Ученики стоят своими компаниями, гул обсуждения каникул слышен повсюду. Новички жмутся друг к другу, старшеклассники делают вид, что им всё равно, но я вижу, как они краем глаза оценивают друг друга.

Мы проходим через центральный коридор школы, стены которого увешаны стендами с грамотами и объявлениями. На одном из них я замечаю приглашение в литературный кружок. В этом году у меня не будет времени на такие вещи — экзамены и подготовка к поступлению заберут все мои силы. В прошлом году мы с книжным клубом часто собирались на совместные чтения, выбирались в парк на пикник и обменивались своими книжными находками. Это было хорошее время. Я чувствовала себя на своём месте. Но этот год будет другим, и мне немного грустно от этого.

Первый урок сегодня — современная литература. Мой любимый. Кабинет Миссис Нокс — самый уютный в школе. Здесь всегда пахнет книгами, старыми страницами и деревом. Высокие панорамные окна пропускают много света, когда солнце решает заглянуть в Торнвейл. Но даже не это я люблю больше всего, а вид, который открывается за этими окнами: густой и тёмный лес, макушки деревьев, упирающиеся в небо, и туман, который придаёт этой картине ещё более мистическую атмосферу.

— Здравствуйте, мои родные, — в класс быстрым шагом входит учительница.

Весь класс с улыбкой приветствует её.

Миссис Нокс около сорока, может быть, чуть меньше — но у неё такие мягкие глаза, что ей хочется доверять. Тёмные кудри обрамляют её лицо, а на шее всегда висит какой-нибудь необычный кулон, сегодня он похож на старую монету.

Она осматривает класс и улыбается, глядя на нас.

— Надеюсь, вы отдохнули и набрались сил. Лето было долгим, и я хочу знать, что вы всё это время не забывали читать. Первое занятие в этом году я хочу провести более живым — мы можем обсудить, что вы нового прочитали этим летом, а потом я расскажу вам о вашем задании. Как вам идея?

Сорок минут урока проходят незаметно. Ученики по очереди рассказывают, как провели своё лето, какие книги стали любимыми и почему. Миссис Нокс не перестаёт каждому улыбаться и хвалить за результаты.

Я рассказываю о книге, которую прочитала за две недели до конца лета — биографию одного известного психиатра, работавшего с преступниками. Я не могла от неё оторваться, читала с утра до самой ночи, прерываясь только для того, чтобы налить себе очередную чашку чая. Миссис Нокс слушает меня с таким интересом, что её глаза не отрываются от моего лица, а улыбка становится всё шире.

Когда время урока подходит к концу, она переходит к нашему домашнему проекту.

— На ваших партах лежат листы с адресами, — говорит она. — Я хочу, чтобы вы выбрали любой из них и написали дружеское письмо. Познакомьтесь с этим человеком и обсудите выбранные книги. Жанр и автора вы выбираете сами. Напишите о себе, расскажите о своих предпочтениях. Когда вы прочитаете выбранные книги, попрошу вас обменяться отзывами и впечатлениями. Отчёт о ваших успехах я хочу увидеть через три недели — думаю, этого времени вам будет достаточно.

Миссис Нокс осматривает весь класс и улыбается:

— Кто знает — может, вы найдёте себе друга на всю жизнь.

Мне нравится эта идея. Я люблю читать, и иногда мне не хватает людей, с которыми можно обсудить понравившиеся книги. Кесси больше любит смотреть фильмы. Обычно мы собираемся у неё на ночёвку и смотрим несколько фильмов подряд. До сих пор помню, как прошлой осенью у нас был марафон фильмов, которые могут довести до слёз за считанные минуты. В топе оказался «Дневники памяти» — всю ночь после просмотра мы пытались успокоить друг друга. Этой осенью Кесси предложила провести марафон фильмов ужасов, и я уже мысленно представляю, сколько раз моя лучшая подруга завизжит от страха.

Так что да, книжный друг мне не помешает точно.

Я смотрю на листок с адресами и выбираю наугад, надеюсь мне повезёт.

Первый день проходит быстро — сегодня было всего три основных урока и одно дополнительное занятие.

В голове уже крутятся мысли: что мне написать, что я могу рассказать о себе, как заинтересовать собеседника и какую книгу порекомендовать. Не хочу остаться без ответа.

Я стою у шкафчика Кесси и жду её. С громким смехом она выходит из-за поворота вместе с Рори Дэквудом. Он идёт рядом с ней, чуть смущённый, и что-то говорит с улыбкой. Этот парень никогда не перестаёт пытаться достучаться до её сердца, но Кесси видит в нём только друга и неоднократно ему об этом говорила. Но он, видимо, не теряет надежды.

Рори добрый, с мягкой улыбкой и обаянием ребёнка. Иногда его внешность напоминает мне Слендермена — высокий рост, длинные, как у пианиста, пальцы, всегда покрашенные чёрным лаком ногти. Тёмные карие глаза и светлые взъерошенные пряди хорошо сочетаются друг с другом. Он всегда одевается официально — классические костюмы, галстуки. Вообще-то Рори симпатичный парень, и если бы он переключился с Кесси, то уже давно встречался бы с кем-нибудь. Я часто слышала сплетни девчонок о нём: говорят, он хоть и застенчивый, но что-то привлекательное в нём есть.

Я улыбаюсь, вспоминая, как Кесси иногда сравнивает Рори с милым пушистым зверьком. Но романтические вкусы моей подруги явно направлены в другую сторону — скорее к хищникам.

Я смотрю на проходящих мимо парней и задумываюсь: а нравился ли мне когда-нибудь кто-нибудь из них по-настоящему? Было пару свиданий — с одним парнем из параллельного класса, с другим, старше меня, из компании футболистов. Но всё заканчивалось быстро. Либо они скучные, либо я слишком странная. Я давно перестала искать и надеяться, что когда-нибудь у меня случится та самая первая школьная любовь. Но если честно, то меня не расстраивает абсолютный штиль в моей личной жизни. У меня есть книги, лучшая подруга и Бу. Так что я переживу отсутствие драмы и свиданий.

Кесси подходит ко мне и толкает в плечо.

— О чём ты задумалась, Джу-Джу?

— О диких зверьках, — говорю я со смехом.

— О, невозможно смотреть на Рори и думать о чём-то диком, уж поверь, — она закатывает глаза и машет Рори на прощание. Он уходит, оглядываясь через плечо.

Мы смеёмся вместе и выходим на парковку. Кесси запрыгивает в машину, я присоединяюсь к ней.

— Позвони мне, как поговоришь с родителями, — говорит она, заводя машину. — Я жду тебя сегодня, хорошо?

— Да, хорошо. Я не думаю, что они будут против, — говорю я, набрасывая на плечи сумку. — Они наблюдали мою тоску по тебе все каникулы, так что все будут только рады, если я уйду из дома и перестану вздыхать с таким трагизмом.

— Тогда подумай, какой фильм мы посмотрим сегодня, выбери что-то и правда жуткое. — Кесси подмигивает мне и переводит взгляд на дорогу.

Через пару поворотов машина сворачивает на мою улицу к дому. Я быстро целую Кесси в щёку, говорю, что позвоню через час, и выхожу.

Ищу ключ под ковриком — наша семейная традиция оставлять его там, — открываю дверь. Сейчас родители ещё на работе: мама в школе, она учитель начальных классов, а отец, скорее всего, будет в участке до самой ночи. Так что я могу перекусить и выполнить задание по литературе, чтобы ответ от моего «книжного друга» пришёл вовремя.

Дом встречает меня тишиной. На кухне ещё пахнет блинами. Я наливаю себе стакан молока, беру пару блинов и бегу по лестнице на второй этаж, в свою комнату.

Бросаю рюкзак на кровать, а молоко и блины ставлю на тумбочку. Из шкафа достаю свою любимую пижаму и иду в ванную.

Через минут десять я выхожу, выжимая волосы на ходу, кидаю полотенце в корзину. Бу уже сидит на моей кровати, умывается и смотрит на меня с лёгким раздражением, видимо, мои хаотичные движения мешают ему спокойно поспать.

— Знаю, знаю, — говорю ему и глажу по мягкой шерсти. — Но сегодня мне нужно сделать очень важное для меня дело, Бу.

Я запрыгиваю на кровать, устраиваюсь поудобнее среди подушек, включаю «Harbinger» Kiki Rockwell и беру лист бумаги, пока все мои мысли не пропали, начинаю писать.

Привет, друг. Надеюсь, тебя так можно называть. :)

Уверена, что ты получил(а) такое же задание по литературе и будешь рад(а) моему письму, потому что для меня это действительно шанс найти человека, для которого чтение — неотъемлемая часть жизни.

Меня зовут Джун, мне семнадцать. У меня есть любимый кот Бу. Он очень умный и ласковый, его жёлтые глаза ярко светятся в темноте, и иногда это выглядит немного жутко.

Ещё я убийственно любопытна. Ты можешь подумать, что я преувеличиваю, когда пишу «убийственно», но это совсем не так.

Когда мне было пять, мне стало любопытно: смогу ли я поиграть с пилой так же, как это делает папа на заднем дворе нашего дома. Тогда я чуть не отпилила себе пальцы на руках и ногах. Меня спасло лишь то, что мама увидела, как я бегу мимо окон как маленький маньяк-убийца с пилой в руках, и сразу же побежала предотвращать мою кровавую шалость.

Когда мне было семь, мой сосед Эван, который был старше меня на три года, рассказывал своим друзьям-мальчишкам, что порошок на вкус как крекеры с морской солью, и он съел целую упаковку. Из-за этого все дети считали его крутым. Тогда я подумала, что тоже хочу быть крутой, и со мной будут все дружить, как и с ним. Не стану скрывать, ещё мне стало безумно любопытно: правда ли порошок на вкус как те самые крекеры, которые я так люблю. На следующий день я взяла в прачечной целую упаковку, и счастливая побежала скорее пробовать. Я подумала, что устроить пир под старым дубом около дома будет самым верным решением. Тогда я набрала целую горсть порошка в ладонь и высыпала в рот одним разом. Меня спас отец. Меня тошнило целую неделю, и промывание желудка было сущим адом. Ещё две недели в больнице. Какой вывод я сделала тогда? Порошок на вкус отвратительный. И если ты хочешь знать, я не стала крутой, и друзей у меня большие не появилось.

Когда мне было двенадцать, моё внимание привлекли кассеты моего папы, которые он постоянно прятал на верхние полки. Тогда я придумала конструкцию, чтобы дотянуться до них и наконец утолить своё любопытство. Но тогда я чуть не сломала себе шею, потому что лестница из пары стульев, телевизора и маленькой скамейки наверху не выдержала. В этот раз меня спасло лишь чудо. Я сломала только руку, и мои родители посидели ещё на несколько прядей волос. Вроде бы не совсем высокая цена.

Когда мне было пятнадцать, мой отец решил разобрать нашу старую библиотеку. Все книги он хотел сжечь, но мама уговорила его оставить их на чердаке и позже отнести в городскую библиотеку. Но мне стало так любопытно, что в тот же вечер я залезла на чердак и просидела там до самого утра. Я нашла то, что заигнотизировало меня и не отпускает до сих пор, мой друг. Большие не было чувства одиночества, не было плохого настроения и бессонных ночей, когда я не могла себя чем-то занять. У меня появились книги. Мои верные друзья и товарищи. В этот раз моё любопытство не пыталось меня убить — оно наконец было накормлено.

Первая моя книга была «Доктор Яд» Дина Джобба. Шокирующая история для моих пятнадцати лет, я хочу сказать. Но и безумно интересная. Доктор Крим был тем самым «Отравителем из Ламбета». Можно считать, что именно из-за него появился термин «серийный убийца». Это всё жутко, и мне жаль, что люди были убиты. Мне жаль, что на нашей земле появляются такие монстры, маньяки и психопаты, которым так легко забрать чужую жизнь. Но эта книга показала мне то, что на самом деле меня интересует. Что меня завораживает, что я хочу изучать и чем хочу зачитываться до самого рассвета.

Так что я рекомендую тебе прочитать «Доктор Яд» Дина Джобба. Я надеюсь, тебе понравится, и ты напишешь мне о своих впечатлениях.

С замиранием сердца жду твою рекомендацию мне.

Со всем своим убийственным любопытством,

Джун

P.S. Уверена, ты перевернёшь мой мир.

Я перечитываю письмо дважды. Внутри — странное чувство. Словно я выпустила наружу что-то, что давно прятала. Бу трётся о мою руку, и я провожу пальцами по его тёплой шерсти.

— Ты думаешь, мне ответят?

Кот смотрит на меня любопытно и мяукает. Я решаю, что это значит «да», и улыбаюсь ему.

Я сворачиваю письмо и аккуратно помещаю его в конверт. Выхожу на улицу, иду к почтовому ящику около нашего дома. Осенний ветер касается лица и треплет волосы, пока я прижимаю к груди конверт и подхожу к ящику.

Надеюсь, я не слишком переборщила, когда написала это всё о себе. Я действительно так сильно хочу получить ответ, как будто от этого зависит моя жизнь.

Я опускаю письмо дрожащими руками.

— Надеюсь, мы подружимся, — шепчу я.

ГЛАВА 3

АЛЕКС

Подписка на странные письма

Прошлое, 21 год, Торнвейл

Ночь пришла быстро, как всегда в это время года. Торнвейл осенью — город мёртвых. Постоянно одни и те же лица, ливни сменяются более мелким дождём, пустые улицы и слишком оглушающая тишина. Я не могу сказать, что мне это не нравится, просто я ощущаю себя ещё одним призраком среди остальных.

Листья срываются с деревьев и кружатся по пустым улицам, а небо затягивается серой пеленой, которая не пропускает ни солнца, ни тепла, когда я иду по лесной подстилке.

Моя работа может показаться для некоторых людей жуткой и скучной. Но это именно то, что мне нужно. Скука. Тишина. Отсутствие людей.

Смотритель за кладбищем. Мечта, правда?

Я терпеть не могу болтовню — эти противные звуки, которые издаёт человек, когда открывает рот. Слова. Смех. Плач. Всё это — шум, от которого хочется спрятаться. А здесь, на старом кладбище Торнвейла, шума почти нет. Только ветер, который гуляет между надгробий, и вороны, которые сидят на ветках старых деревьев и смотрят на меня своими чёрными глазами.

Эта работа принесла мне покой. Вместо назойливых мух, которых я называю людьми, я слышу птиц. Карканье ворон убаюкивает меня. Оно ровное, монотонное, почти гипнотическое. Я мог бы слушать его часами.

В мои обязанности входит соблюдение чистоты: ухаживать за могилами и плитами усопших, счищать мох, подметать листья, поправлять цветы, если их повалил ветер. Иногда я готовлю места к похоронам — копаю ямы, устанавливаю надгробия, слежу, чтобы всё выглядело достойно. Это не такая уж тяжёлая работа. Гораздо легче, чем общаться с людьми.

Но больше всего я ненавижу наблюдать за самим процессом прощания. Родственники приходят, плачут, что-то говорят, пытаются прикоснуться к гробу, будто это может вернуть умершего к жизни. Их слёзы и их голоса меня раздражают. В такие моменты я стараюсь отключиться, заглушить их вопли страданий своими мыслями. Или обмениваться понимающим взглядом с местным вороном, который всегда находится рядом со мной.

Я назвал его Кертис.

Кертис появился здесь около года назад. Сначала он просто сидел на ветках и смотрел на меня, пока я работал. Через несколько дней я понял, что его лапа и крыло сломаны. Мне стало

его жалко, и я решил помочь, чем могу. Я начал приносить ему крекеры, которые брал из дома специально для него. Сначала он не подходил — вороны не так легко доверяют людям, и я его понимаю. Но постепенно он привык. Теперь он подлетает близко, садится на ограду рядом со мной и смотрит своими чёрными зрачками, как будто пытается вытянуть из меня секреты.

Иногда мне кажется, что он знает обо мне больше, чем я сам.

Говорят, вороны умеют говорить. Я помню, что где-то читал об этом. Я надеюсь, что Кертис никогда не заговорит. Иначе я лишусь своего друга. Мне нужен кто-то, кто просто молчит, кто не задаёт много вопросов, кто может вытерпеть моё общество, не требуя ничего взамен, кроме пары крекеров.

Сейчас мне нужно прибраться на могиле Изабеллы Ларкус. Я уже несколько дней откладывал это. Я не знаю, кем была эта женщина. Она умерла до того, как я начал здесь работать. Но её надгробие всегда выглядит старше, чем должно быть. Чёрный камень, почти полностью покрытый мхом, и имя, выгравированное на нём, будто светится в темноте. Как бы я ни старался привести его в порядок, через два дня всё возвращается обратно к исходному виду.

Я беру из рабочего шкафчика метлу, ведро и тряпки. Надеваю жёлтый дождевик — он отвратительно яркий, но, если идёт дождь, он хотя бы защищает от постоянной влаги и неприятного ощущения мокрой одежды.

Луна сегодня полная, и она освещает тропинки, ведущие через кладбище. Ветки деревьев тянутся к небу, чёрные и голые, и кажутся пальцами, которые пытаются дотянуться до света. Лес вокруг кладбища шумит — ветер гуляет между стволами, и я слышу, как сухие листья шуршат под ногами. Но даже если бы крошечная тьма спустилась на это место, я всё равно шёл бы уверенно — я выучил здесь всё наизусть. Каждый поворот, каждое надгробие, каждый камень.

Прохожу мимо могил и здороваюсь с их жителями — привычка, от которой я не могу избавиться.

— Доброй ночи, мистер Пит. Как вам спится? Удобно ли?

Ничего. Ответа нет. А чего я ожидал? Они всегда молчат и никогда не отвечают. Вот что я люблю. В отличие от живых, они не требуют внимания, не жалуются, не плачут о своей никчёмной жизни. Они просто лежат и молчат. Идеальные соседи.

— Завтра я приду к вам в гости, Пит. Мне нужно будет прибраться у вас.

Я помню церемонию прощания с ним. Было всего две женщины. Никаких истерик и объятий с гробом, ни одна их слеза не пропитала землю. Они молча положили цветы, постояли минуту и уехали. Я сделал тогда свой вывод: мистер Пит был или полным мудаком, которого ненавидели при жизни, или все его родственники проспали похороны.

Я прохожу ещё несколько метров и вижу свою рабочую зону на эту ночь. Могила Изабеллы Ларкус засыпана листьями, надгробие покрылось мхом и грязью. Засохшие цветы лежат на плите, их стебли превратились в труху, а лепестки — в коричневую пыль. Я беру метлу и начинаю убирать листья, складывая их в мешок. Тряпкой вытираю грязь, ножом счищаю мох, который въелся в камень, и полирую поверхность сухой тканью.

Имя, выгравированное на надгробии, смотрит на меня.

Странные мурашки проходят по телу. Я слышу, как ветки деревьев начинают петь свою песню — трещат и изгибаются под ветром. Звук похож на чей-то тихий шёпот. Я не боюсь темноты и уж тем более призраков. Как говорила моя бабушка: *«Нужно бояться живых»*.

Только живые приносят печаль и вред.

Закончив работу, я складываю инструменты и иду обратно в свою маленькую хижину, которая стоит у самого входа на кладбище. Здесь есть всё необходимое: кровать, стол, кофеварка, небольшой шкаф с инструментами и несколько полок с книгами. Камин, который даёт достаточно тепла в совсем плохую погоду. Я сделал в хижине минимальный ремонт, ещё когда только начинал работать на кладбище, чтобы можно было оставаться здесь неделями, а ино-

гда и месяцами. У меня есть дом в черте города, доставшийся в наследство от родителей. Но, честно говоря, в хижине я чувствую себя спокойнее.

Начинается сильный дождь, и я промокаю за секунды. Дождевик почти не спасает — ливень сразу же мочит волосы и одежду, противные, холодные капли стекают за воротник. Я бегу к домику, открываю дверь быстрым движением, захожу внутрь, и тело сразу же чувствует тепло от камина.

Сбрасываю мокрую одежду прямо на пол, включаю кофеварку. Пока она нагревается, нахожу в шкафу сухой свитер и старые джинсы. Переодеваюсь, ставлю берцы около камина, чтобы они просохли к утру. Кофеварка издаёт сигнал, и я наливаю чёрный кофе в свою любимую кружку.

Я сажусь за стол, ставлю кружку рядом и всматриваюсь в маленькое окно. Везде тихо, не считая сильного ветра и звука дождя, который барабанит по стеклу. Ветки деревьев качаются от ветра, где-то мелькают тени, скорее всего, от птиц. Я делаю глоток кофе и чувствую, как тело начинает согреваться.

Телефон подаёт сигнал. Я лениво тянусь за ним в карман джинсов, не отрывая взгляда от окна.

Сообщение от почтовой службы.

Я хмурюсь. Кто мне может писать? У меня нет толком друзей. Родственники тоже не пишут — мама и папа умерли несколько лет назад, бабушка Труді умерла ещё раньше. Может, кредиторы? Чёрт. Я должен за этот дом уже несколько тысяч долларов — тот самый дом, который отец строил своими руками. Если кредиторы заберут его, то я, если честно признаться, не сильно расстроюсь, я всегда могу уйти жить в хижину. Даже если мой отец перевернётся в гробу тысячу раз от печали из-за того, что его имущество так легко решили забрать, мне нет до этого дела.

Я засовываю телефон обратно в карман и всё-таки надеюсь, что это просто очередная рассылка новостного мусора. Мне не хочется разбираться сейчас с кредиторами и всеми проблемами, связанными с домом, но, чтобы всё-таки их предотвратить, мне придётся найти подработку.

Через пару часов заканчивается моя смена — меня ждут два выходных. Нужно за это время чем-то занять себя. Когда я не занят работой, мой мозг может подсказывать мне не очень хорошие идеи. Если я поддамся им, то могу пропасть на неделю. Провалиться в ту самую темноту, из которой так трудно выбираться.

Хотя мне уже почти нечего терять, и возможно, никто бы и не заметил моего отсутствия, пока я борюсь с демонами депрессии. Дома меня ждёт только моя рыбка Кики, которую я купил год назад, когда окончательно перестал видеть смысл общения с людьми. Она маленькая, золотистая, плавает в круглом аквариуме на кухонном столе. Иногда по её рыбьей морде я вижу, что, будь у неё руки, она бы давно меня задушила.

Но извини, Кики, ты размером с мой палец, и у тебя нет рук. Мы не всегда получаем всё, что хотим.

В шесть утра моя смена заканчивается. Я собираю грязную посуду, которую накопил за ночь, и ставлю в раковину, чтобы быстро её намыть перед уходом.

Осматриваюсь ещё раз в хижине на предмет порядка и удовлетворённо киваю. Я не люблю, когда в моём пространстве бардак.

Беру сухие берцы, натягиваю их и быстро зашнуровываю. Накидываю всё тот же дождевик, подкуриваю сигарету и пытаюсь быстро добежать до своего пикапа, пока дождь снова не намочил мою одежду. Я запрыгиваю быстро внутрь машины и стягиваю дождевик, бросая его назад. Капли дождя скатываются с волос и падают на кончик сигареты, она сразу начинает шипеть.

Чёрт.

Я завожу пикап и выезжаю через лес на главную дорогу. Ехать мне совсем недолго, около десяти минут по прямой, и я уже могу увидеть свой дом. Я открываю окна и включаю радио на минимальной скорости. Дорога, ведущая к дому, чувствуется как транс. Ровное покрытие, с каждой стороны мелькает густой лес, туман стелется по асфальту, и капли барабанят по лобовому стеклу.

Я паркуюсь перед домом и некоторое время просто сижу в машине, глядя на серое, обшарпанное здание. Два этажа, тёмная крыша, старая сосна у дома, которую посадил мой отец. Дом выглядит заброшенным, хотя внутри всё чисто и аккуратно. Я поддерживаю порядок — это помогает сохранять контроль.

С усталым вздохом я всё-таки выбираюсь из машины и медленным шагом иду по узкой гравийной дорожке к дому.

Открываю дверь и сразу иду в душ. Хочу скорее смыть запах кладбища и сырости. Я снимаю одежду прямо на ходу и бросаю её в корзину для грязного белья. Включаю кран и жду, пока пар заполнит помещение ванной.

Первые горячие капли бьют по лицу, и моё тело расслабляется. Я стою неподвижно, закрыв глаза, слушая, как вода стекает по телу, как капли разбиваются о кафель. Ритмично и успокаивающе.

С полотенцем в руках выхожу из ванной и пытаюсь сонным мозгом вспомнить, что нужно сделать сегодня. Письмо. Чёрт. Нужно проверить почту.

Одеваю на ходу старую толстовку и иду к почтовому ящику, который прикреплён к стене дома. Открываю его — внутри лежит конверт. Достая и рассматриваю его со всех сторон. Адрес отправителя мне не знаком. Конверт обычный, белый. Нет никаких опознавательных знаков, что он из компании кредиторов. Я выдыхаю всеми лёгкими, и мне становится сразу легче. Плечи опускаются, и паника от того, что мне придётся разбираться с проблемами дома, уходит на второй план.

Я продолжаю крутить конверт в разные стороны. Пожимаю плечами и решаю открыть.

Внутри лист, исписанный мелким, аккуратным почерком, пахнущий какой-то сладкой дребеденью. От этого запаха начинает щипать нос, и мне хочется чихнуть.

Блять.

Это раздражает.

Мои глаза бегают по написанным строчкам.

Привет, друг. Надеюсь, тебя так можно называть. :)

Уверена, что ты получил(а) такое же задание по литературе и будешь рад(а) моему письму, потому что для меня это действительно шанс найти человека, для которого чтение — неотъемлемая часть жизни.

Меня зовут Джун, мне семнадцать. У меня есть любимый кот Бу. Он очень умный и ласковый, его жёлтые глаза так ярко светятся в темноте, и иногда это выглядит немного жутко...

Что это за хрень?

Я подписался каким-то образом на рассылку странных писем? Сколько они возьмут с меня за это дерьмо?

Я ещё раз читаю пару строк про неуклюжие попытки этой девчонки Джун умереть в разном возрасте.

Она явно плохо старалась, раз ещё может писать.

Девчонка явно сошла с ума, раз думает, что так можно найти друзей. Её вкус в литературе меня никаким образом не привлекает.

Зажав письмо в руке, я закрываю крышку почтового ящика и захожу в дом. Мне не хочется разбираться с этим дерьмом и обмениваться записками с какой-то странной девчонкой, но спасибо за отличную макулатуру для розжига камина. Закидываю письмо в рабочую сумку, чтобы позже не забыть сжечь в хижине.

На кухне готовлю завтрак из того, что осталось в холодильнике. Сэндвич с яйцом и чёрный кофе. Отлично. Не самое плохое утро.

Пока ем, просматриваю газету с объявлениями о работе. Слишком много вакансий для нянь на вечер или на рабочую неделю. Это явно не моё. Я и так работаю нянкой круглыми сутками. Надгробия, за которыми я ухаживаю, для меня как дети. Да и какой ребёнок будет счастлив поиграть с человеком вроде меня? Если они хотят нанести психологическую травму своему отпрыску, то я готов. С вас сто долларов в час.

Пробегаю дальше глазами и нахожу то, что нужно. Семье нужна помощь с переездом: сложить и транспортировать вещи. Платят хорошо. Не задумываясь, набираю номер и договариваюсь.

Ближе к десяти вечера я возвращаюсь домой. Тело ноет от приятной боли — таскать тяжёлые коробки несколько часов подряд не самое приятное занятие, но хотя бы заплатили хорошо.

Снимаю одежду и бросаю её в корзину.

Горячие струи душа смывают весь день. Я люблю этот момент — когда вода заликает лицо, и я ничего не слышу, кроме её шума. Закрываю глаза, упираюсь ладонями в прохладный кафель и делаю глубокий вдох.

Сначала мысли пустые. Никаких звуков, кроме воды.

Потом я начинаю считать, тихие слова срываются с губ. Моя любимая считалка — та самая, которую я помню с детства. Она всегда успокаивает меня, когда становится слишком темно внутри головы. Её любила моя малышка.

— Раз, два, три, четыре, пять...

Пальцы отбивают ритм по кафелю. Я слышу, как вода стекает по стенам, и этот звук смешивается с моим голосом.

— Будем в прятки мы играть. Небо, звёзды, луг, цветы.

Я делаю вдох. Лбом прикасаюсь к плитке. Холодно. Приятно.

— Выходи из круга ты...

Ослепительная вспышка в памяти. Я чувствую запах хлорки. Ледяная вода обнимает моё тело. Голос Блу звенит в ушах, такой высокий, такой детский. Она смеётся. Она бежит. Я иду за ней.

— *Спрячься лучше, Блу.*

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Звук воды.

Хватит!

Звуки разрывают мою голову на маленькие частички. Я зажмуриваюсь и пытаюсь сделать вдох. Ещё один и ещё. Мои ногти царапают плитку. Кулаки бьют по стене — красные капли скатываются по стерильной поверхности и исчезают в водовороте слива. Я смотрю на алые разводы, чувствуя, как холодная вода смывает всё.

Воспоминания давно так со мной не играли. Я как мазохист улыбаюсь своей боли. Если принять её, лелеять, обнять, она станет ближе, роднее. Я буду укачивать её, как новорождённого, и считать вдохи до возвращения рассудка.

Это началось, когда мне было двенадцать. Моей сестре Блу — шесть. Она всегда заставляла меня играть с ней. Бегать, прятаться, искать. Мы были как дикие дети, которых будто вырастили волки.

— *Алекс, поиграй со мной!*

Я слышу её голос. Такой живой. Такой настоящий. Я открываю глаза и вижу своё отражение в плитке.

— *Я нашла место, где можно спрятаться. Я обещаю, что не расскажу папе, что ты сломал его удочку!*

Я зажмуриваюсь. Не хочу туда идти. Не хочу заходить в тот дом. Не хочу считать до двадцати и громко произносить эту чёртову считалку. Если бы я этого не сделал, то ничего бы не случилось. Верно?

— *АЛЕКС, ДАВАЙ ИЩИ! ДОГОНЯЙ!*

Чёрт.

Я резко выключаю воду и выхожу из душа. Запотевшее зеркало смотрит на меня. Протираю его ладонью, убирая конденсат, и всматриваюсь в своё отражение. Серые глаза стали ещё более бледными, как будто воспоминания смыли с них цвет. С чёрных прядей вода капает на лицо и стекает к шраму на скуле — шрам, который я помню с детства. Отпечаток прошлого.

Быстро вытираю лицо, чищу зубы и захожу в спальню. Моё тело падает на кровать, я пытаюсь уснуть, но мысли постоянно возвращаются к воспоминанию, к моему прошлому.

Я зол, и моё настроение просто отвратительное, мне хочется что-нибудь разбить, сломать и выпустить пар. Мне хочется накричать на кого-то, сделать плохие вещи и наслаждаться тем, что сейчас больно не только мне.

Пока я лежу и пялюсь в потолок, в мою голову приходит безумная идея, и улыбка садиста расцветает на моём лице.

Я тянусь к рабочей сумке, которую засунул под кровать, и достаю белый конверт.

Мои глаза ещё раз пробегают по строчкам. Идея мигает красной лампочкой в голове, сердцебиение успокаивается, и наслаждение от того, что я могу занять себя хоть чем-то, успокаивает.

— Ну, Джун, ты, скорее всего, пожалеешь, что я всё-таки решил тебе ответить, но давай поиграем.

Я беру чистый лист бумаги, ручку и, тяжело вздохнув, начинаю писать.

ГЛАВА 4

ДЖУН

Я похороню тебя

Настоящее время, 22 года, Ривербрук

Сегодня мне нужно собрать вещи к переезду. Клиника Святой Димфны находится в городке под названием Хоупвуд — примерно в двух часах езды от Ривербрука. Я могла бы ездить туда каждый день, но практика будет интенсивной, а дорога отнимает слишком много сил. Мне будет проще, если я на это время перееду ближе к Хоупвуду.

Мы с Кесси решили снять дом. Когда мы увидели объявление, я сначала подумала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но цена оказалась приемлемой, а условия — идеальными. Дом на фото выглядел уютным: тёмные деревянные стены, большие окна, балкон с видом прямо на лес.

Кесси сказала, что он похож на дом из фильмов ужасов. Она имела в виду те самые большие красивые дома, в которые переезжают семьи, и с ними всегда происходит какая-нибудь страшная, потусторонняя хрень.

Но, подумав всего несколько минут, мы всё же решили откликнуться на объявление. Заявку нам одобрили сразу же, так что деваться было некуда. Залог был внесён.

Я стою посреди своей маленькой спальни и смотрю на открытый чемодан. Вещи разбросаны по кровати, по полу, по стульям. Я пытаюсь вспомнить, что ещё не положила, но мысли путаются. В голове — туман. Такой же, как за окном.

Тёплые свитера — есть.

Куртка — есть.

Джинсы — есть.

Медицинская форма — есть.

Дневник — есть.

Ежедневник для записей — есть.

Я привыкла записывать всё. Каждую мысль, каждое действие, каждое решение. Так мне легче существовать — когда слова перетекают на бумагу, они перестают давить изнутри. В моей сумке всегда должно быть несколько ручек и блокнотов. Это моя броня.

Осталось сложить ещё пару вещей. Косметичка. Обувь. Ну и пару мелочей.

Я иду к шкафу и начинаю перебирать коробки с обувью. Мне нужны удобные кроссовки и тёплые сапоги. Сейчас уже глубокая осень — та самая пора, когда дожди не прекращаются, а туман окутывает улицы плотным саваном, делая видимость почти нулевой. Ориентирами остаются лишь жёлтые и оранжевые листья, которые ещё держатся на ветках, но скоро и они упадут.

Вообще, я люблю такую погоду. Когда за окном серо и мокро, а ты сидишь в тепле, закутавшись в плед, с книгой в руках и кружкой горячего шоколада. Это единственное, что утешает меня в этом городе. Ривербрук стал моим домом три года назад, но я никогда не чувствовала себя здесь полностью своей. Он был просто местом — убежищем, куда я сбежала от прошлого.

Я тянусь к самой дальней коробке на верхней полке и случайно задеваю все остальные. Коробки падают на меня тяжёлым градом — одна за другой, с глухим стуком. Я отшатываюсь, прикрывая голову руками.

— Чёрт! Это больно, — шиплю я, потирая плечо. — Джун, ты такая идиотка.

Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, что теперь делать с этим хаосом. Вокруг меня — разбросанные вещи, старые фотографии, потёртые книги, какие-то бумаги. Мой взгляд падает на чёрные конверты на полу. Они рассыпались из коробки, которую я так неловко задела.

В эту секунду меня пронизывает дрожь. Дикий импульс проходит через всё тело и останавливается на кончиках пальцев. Я знаю, что это. Я знаю, что там, внутри этих конвертов.

Медленно, будто во сне, я наклоняюсь и тянусь к ближайшему. Беру его дрожащими руками. Конверт чуть потёрт от времени, уголки смяты, а на обратной стороне — знакомый почерк. Я узнаю его даже сейчас, спустя пять лет.

Мои пальцы дрожат, когда я открываю конверт и достаю письмо. Мне не нужно даже смотреть на написанные строчки. Я знаю каждое слово наизусть, потому что перечитывала все его письма каждую ночь, когда умирала внутри и не было другого способа заставить себя сделать глоток воздуха.

Иногда ночи были настолько тяжёлыми, что я пыталась сломать себе пальцы, только бы снова не доставать эти конверты из коробки. Но перечитывать их было словно выпить лекарство. Я была как Алиса из Страны чудес, проваливалась в собственную тёмную дыру и оказывалась снова и снова рядом с ним. Я могла слышать его смех, обрывки фраз и даже чувствовать его запах, но этого мало, всегда мало.

Мало. Мало. Мало.

Алекс.

Мой разум бунтует, когда я произношу его имя.

Я пыталась и пытаюсь вычеркнуть этот период из моей жизни. Похоронить осколки этого мужчины глубоко в моём прошлом и захлопнуть дверь. Но они всё равно находят меня. Они прячутся в углах моей памяти, в шуме дождя, в темноте перед сном. Одно письмо, ошибочно отправленное не тому человеку, изменило мою жизнь. И не в хорошую сторону.

Я помню этот трепет, когда я бежала в своих жёлтых сапогах под холодным дождём, чтобы успеть отправить письмо. Помню, как я готова была вырывать зубами каждое письмо из рук почтальона, как это делал с газетами соседский пёс. Мне было всё равно, как я выгляжу в глазах других людей.

Я была молодой. Влюблённой. Наивной. Заражённой безумством Алекса, как болезнью, от которой нет лекарства.

Я читала каждое его письмо с замиранием сердца. Иногда по несколько раз подряд. Я искала между строк подсказки — крупитцы его привязанности ко мне, доказательства того, что я для него не просто незнакомка. Наша переписка началась не очень дружелюбно — ну, с его стороны. Его первое письмо было холодным, отстранённым и довольно грубым. Но потом что-то изменилось. Он стал писать длиннее, откровеннее. Интерес перерос во что-то большее.

А закончилось всё моим разбитым сердцем.

Мы отправляли друг другу маленькие фотографии. Нас самих, наших животных, того, что нас окружало. Он показывал мне свой мир — кладбище, лес, ворона Кертиса, рыбку Кики. А я дарила ему свой — капли дождя на стекле, книги, улыбки. Я думала, что мы строим что-то настоящее. Я ошибалась.

Маленькое фото в моих руках жжёт пальцы. Его серые глаза смотрят на меня со снимка, гипнотизируют, затягивают в водоворот отчаяния. На фото он сидит за столом, рядом с ним — маленький аквариум. Рыбка Кики плавает внутри, а он смотрит в камеру хмуро, наигранно-недовольно. Его лицо — бледное, с резкими чертами, чёрные волосы падают на лоб. Подпись на обратной стороне: *«Кики снова меня игнорирует»*.

Мне нравилось всё в нём. Его юмор, его вредность, его рассуждения о жизни. Мне нравилось читать его исповеди, нравился туман его мыслей, в котором я терялась и находила себя одновременно. Я любила его фотографии природы. Леса, болота, густой туман сквозь широкие макушки деревьев.

Я тянулась к загадке в его глазах. Через письма я хотела достать всю его душу и держать её в коробке, перевязанной чёрной лентой, как реликвию. Мне казалось, что, если я смогу понять его, я смогу спасти его. Спасти себя.

Но этому не суждено было сбыться.

Я не забрала от него ничего. Это он растоптал меня. Оставил гнить в моих собственных мыслях. Заставил каждый день задавать себе один и тот же вопрос: «Почему?»

Почему он ушёл? Почему исчез?

Со злостью я вскакиваю на ноги. В груди — жар, который разливается по всему телу, сжигает всё на своём пути. Я начинаю собирать письма. Все до одного. Фотографии. Конверты. Всё, что связано с ним.

С ненавистью закрываю коробку и ищу по ящикам жидкость для розжига. Нахожу её за банкой с крупой. Зажигалку — в ящике кухонного стола.

Я похороню тебя.

Я сожгу твою душу, запечатанную в этих письмах.

Надеваю куртку, кроссовки и быстрым шагом выхожу из дома. Холодный воздух обжигает лёгкие. Я бегу к заднему двору, где между деревьями есть небольшое открытое пространство. Там я собираю сухие ветки, складываю их в сооружение для костра, кладу сверху коробку.

Всё вокруг кружится, но я заставляю себя не останавливаться. Поливаю коробку жидкостью. Мои пальцы дрожат, когда я пытаюсь щёлкнуть зажигалкой.

Пламя взматывается вверх — яркое, жадное, ненасытное. Языки огня начинают пожирать бумагу. Огонь лижет конверты, строчки на страницах чернеют, сворачиваются, исчезают. Фотографии коробятся, лица на них становятся неузнаваемыми, а потом каждый снимок сгорает дотла.

Я чувствую, как солёные капли скатываются по моим щекам. Ветер треплет волосы, раздувает пламя, и я стою и смотрю, как сгорает всё, что я так нежно лелеяла все эти годы. Каждая страница — это частичка меня. Каждое слово — кусочек моего сердца. Я сжигаю их, и в груди становится пусто. Но пустота — это лучше, чем то, что я чувствовала всё это время.

Когда пламя угасает и остаётся только пепел, я беру лопату, которая лежит у стены дома, и начинаю закапывать остатки костра. Земля — влажная, холодная и тяжёлая. Я закидываю её на пепелище с яростью, с ненавистью, с отчаянием. Я хочу, чтобы это исчезло. Чтобы никогда и ничего больше не напоминало о нём.

Капли дождя впиваются в кожу иглами. Вода смешивается с пеплом, превращая его в грязь. Я стою на коленях, грязная, мокрая, сломленная. Смотрю на свежий холмик земли и чувствую, как внутри меня что-то умирает окончательно.

Я похоронила его. Похоронила нас.

Без сил падаю на траву рядом с могилой, которую сделала своими руками. Лёжа на спине, я ловлю ресницами каждую каплю, упавшую с неба, и смотрю в туманную дымку. Ни одной звезды. Луна спряталась за серыми облаками и даже не пытается подать признаки жизни.

Грязными руками нахожу в кармане куртки пачку сигарет. Вытаскиваю одну, с трудом зажигаю. Вдыхаю дым — и чувствую, как он заполняет пустоту внутри. Никотин разливается по телу, приносит ложное облегчение, временное освобождение.

— Прощай, лживый Алекс, — шепчу я в темноту.

Вернувшись домой, я стираю мочалкой с себя грязь, дождь и пепел. Горячая вода стекает по коже, смывает всё, что осталось от этой ночи. Я долго стою под душем, пока пальцы не начинают морщиться.

Без сил падаю на кровать, укутываюсь в одеяло. Дождь всё ещё барабанит по стеклу, создавая монотонный, успокаивающий ритм. Мои глаза закрываются, и темнота забирает меня, такая уютная и спокойная.

— Джун... — голос доносится откуда-то издалека. — Джун... Джун...

Я открываю глаза, но ничего не вижу. Только тьма.

— Мой нежный пасмурный день. Ты решила избавиться от меня?

Серые глаза сверкают в темноте. Я пытаюсь пошевелиться, закричать, но тело не слушается. Язык прилип к нёбу, руки прижаты к бокам. Я узнаю этот голос. Этот хриплый шёпот, от которого по коже бегут мурашки.

— Боже, где этот чёртов выход, — шепчу я, но звука нет.

— Как ты думаешь, Джун, — голос звучит совсем рядом, почти у уха, — этого достаточно, чтобы забыть меня?

Я чувствую, как моё тело начинает утопать. Вокруг — мокрая, грязная жижа, которая затягивает меня, не даёт вырваться. Я пытаюсь схватиться за что-то, но руки скользят. В отчаянии я цепляюсь за корни деревьев, которые вдруг появляются из темноты. Мои ногти ломаются, кровь из мелких порезов начинает скапливаться на ладонях.

— Ответь мне, Джун! Этого достаточно? Ты чувствуешь себя свободной?

Его глаза сверкают во тьме, как два маяка гибели. Я вижу хищный блеск в них — он сжирает меня, лишает сил. Мурашки страха покрывают позвоночник. Я хочу закричать, чтобы он ушёл. Но он не уходит.

— Ты готова, Джун? — его рука тянется ко мне. — Ну же, мой нежный пасмурный день. Прими мою помощь. Не отталкивай своего друга. — Его губы изгибаются в безумной усмешке. — Не зли меня, Джун.

Из последних сил я толкаю его и проваливаюсь в грязь. Холодная жижа заливает рот, нос, глаза. Я чувствую, как лёгкие пытаются бороться, как я глотаю воздух большими судорожными вдохами, но ничего не помогает. Я тону. Тону в этой тёмной бездне.

И когда я уже почти исчезаю, когда тьма становится полной, я слышу его голос — последний раз, шёпотом:

— До скорой встречи, мой пасмурный нежный день.

ГЛАВА 5

ДЖУН

Старайся лучше

Настоящее время, 22 года, Ривербрук — Хоупвуд

Я просыпаюсь с криком и медленно прихожу в себя. Сердце колотится где-то в горле, лёгкие жжёт от нехватки воздуха. Я хватаю ртом воздух, пытаюсь понять, где я, что со мной, что было реальностью, а что — очередным кошмаром.

— Это сон, — шепчу я в темноту. — Это чёртов сон. Всё это нереально, Джун.

Я откидываю простыню и бегу в ванную. Меня выворачивает наизнанку, горло сводит, и во рту я ощущаю горький привкус рвоты. Я стою на коленях перед унитазом, трясясь всем телом, и чувствую, как слёзы смешиваются с потом на моём лице.

Когда приступ тошноты проходит, я с трудом поднимаюсь на трясущихся ногах. Подхожу к раковине, открываю кран и смотрю на себя в зеркало. Отражение пугает меня — потухшая версия той девушки, которая когда-то верила в счастье. Тёмные круги под глазами, бледная кожа, глаза, в которых нет ни искры, ни жизни.

Трясущимися руками я умываю лицо и пытаюсь считать до десяти. На цифре пять моё тело расслабляется. Я больше не чувствую себя так, будто умираю с каждым вдохом. Я тру свою грудь ладонью и продолжаю считать. Мои глаза блуждают по разным предметам в ванной, чтобы сосредоточиться на чём угодно, кроме вспышек воспоминаний моего сна и отвратительного прошлого.

Из комнаты доносится звук будильника. Пора собираться. Кесси будет ждать меня через час, и я не могу позволить себе провалиться в эту яму отчаяния, только не сегодня.

Я умываюсь холодной водой ещё пару раз. Она обжигает кожу, но приводит мысли в порядок. Наношу консилер под глаза, чтобы скрыть следы бессонной ночи. Заплетаю чёрные волосы в небрежную косу быстрыми движениями. Пару раз бью себя по щекам, чтобы появился румянец, и натягиваю улыбку. Смотрю в зеркало ещё раз, уже всё не так страшно. Вид более свежий, глаза кажутся ярче.

Я снова готова притворяться.

Захожу в комнату, открываю окно и вдыхаю этот пасмурный день. Дождь всё идёт. Кажется, он никогда не прекращается в этом городе. Серое небо, мокрые деревья, туман, окутывающий всё вокруг. Я люблю эту погоду. И ненавижу её.

«До скорой встречи, мой пасмурный нежный день».

Его голос. Его слова. Они пульсируют в моей голове, бьют в солнечное сплетение с такой силой, что я не могу сделать глоток воздуха. Я сжимаю ладони в кулаки, впиваюсь ногтями в кожу, чтобы почувствовать боль — настоящую и физическую. Чтобы напомнить себе: я здесь. Я жива. Он нереален. Его здесь нет. Он ушёл.

Сдерживая новый приступ тошноты, я закурываю и глажу Бу за ушами. Он мурлычет, и этот звук действует, как успокоительное. Выдыхаю дым в окно, наблюдая, как маленький завиток кружится в воздухе и растворяется в тумане. Никотин заполняет лёгкие, успокаивает дрожь.

Да. Так уже лучше.

Затушив сигарету о подоконник, я подхожу к шкафу. Выбираю коричневую кожаную куртку, удобные джинсы, чёрный свитер и мои любимые ботинки. Натягиваю на себя быстро всю одежду и шнурую ботинки. Вибрация телефона в кармане джинсов отвлекает меня, я достаю его и смотрю на экран.

Кесси.

Отвечаю на звонок, придерживая его плечом у уха, пока застёгиваю куртку по пути к двери.

— Я уже бегу! — кричу я, махая ей рукой, стоя на крыльце.

Кесси улыбается и машет в ответ из окна машины, держа телефон в руках.

— Я жду тебя минуту, а потом уезжаю!

Я показываю ей средний палец и захлопываю дверь. Рядом слышу мяуканье Бу. Он стоит у моих ног и смотрит на меня тревожным взглядом.

— Малыш, нам пора. Попрощайся с домом.

Я наклоняюсь и глажу его тёплую, мягкую шерсть. Бу трётся о мою ладонь и урчит. Я прижимаю его к себе и чувствую, как его маленькое тельце вибрирует.

— Нас ждёт что-то новое, Бу. Мы заслужили.

Беру переноску, сажаю Бу внутрь. Он уже привык, так что это не составляет труда. В другую руку — сумки, рюкзак. Выхожу из дома, закрываю дверь и на мгновение задерживаюсь у крыльца.

Последний раз смотрю на дом. На серые стены, на мокрый сад, на сосны, которые стоят вокруг. Я жила здесь три года. Здесь я пряталась от прошлого, здесь я пыталась начать всё заново, но пришло время двигаться дальше, осуществить наконец-то свою мечту и начать жить для себя.

Я разворачиваюсь и бегу к машине. Дождь падает на меня медленными, холодными каплями. Открываю дверцу, закидываю вещи на заднее сиденье и аккуратно ставлю переноску с Бу. Сажусь на пассажирское рядом с Кесси, и она сразу заводит двигатель.

— Ты посидела пять минут у двери на чемоданах? — спрашивает она, поглядывая на меня.

— Что? — я не сразу понимаю, о чём она.

— Моя бабушка из России так постоянно делала, — объясняет Кесси, выруливая со двора. — Когда мы должны были уже выезжать в аэропорт, она сказала, что мы должны посидеть у выхода и помолчать, мы послушно все сидели около пяти минут в тишине. Бабуля говорила что-то типа: *«Так лучшие пройдёт дорога»*.

Она смотрит на меня с задумчивым видом, как будто вспоминает все странности своей русской семьи. Я улыбаюсь — впервые за сегодня.

— Нет, я не сделала этого. Как думаешь, это правда что-то меняет?

Кесси пожимает плечами и улыбается.

— Я верю своей бабуле. Но ей уже восемьдесят пять, так что, знаешь, возможно, не стоит так серьёзно об этом думать. Хотя... кто знает?

Мы выезжаем на главную трассу, и я смотрю в окно. Дорога выглядит как локация из фильма ужасов — туман стелется над асфальтом плотной пеленой, видимость почти нулевая. Высокие деревья мелькают по обе стороны, их чёрные силуэты исчезают в серой дымке. Дождь барабанит по лобовому стеклу, дворники еле справляются со своей работой.

Я тянусь к магнитоле и прибавляю громкость. В салоне начинает звучать «Something in the Way» в исполнении Midoca. Тягучий, мрачный голос заполняет пространство.

Я откидываюсь на сиденье, открываю окно и закуриваю. Капли дождя попадают мне на лицо, на руки, оставляя влажные дорожки на коже. Дым от сигареты смешивается с туманом и превращается в густое переплетение нитей, которые уносят меня в прошлое.

Озноб проходит по телу, как удары тока. Я стараюсь не думать об этом, но снова и снова возвращаюсь к тем серым глазам. К его голосу. К его словам.

Я знала, что он может причинить мне боль. Он делает это снова и снова, даже не прикасаясь ко мне. Алекс — это синоним слова боль. Он как небо перед дождём, когда ты знаешь, что сейчас начнётся гроза и тебе нужно спрятаться, но ты не можешь оторваться от этого вида. Тебе хочется подойти ближе, коснуться этого хаоса, почувствовать его энергию. Чтобы в конце концов он оставил от тебя только пепел и истерзанное сердце, которое он же и раздавит в своих руках.

— О чём ты задумалась, Джу-Джу?

Голос Кесси вырывает меня из мыслей. Я моргаю, возвращаясь в реальность. Я закрываю окно и поворачиваюсь к ней.

— О нашей практике, о доме, — говорю я, стараясь звучать непринуждённо. — Просто думаю о том, что мы начинаем новый этап. Это же хорошо, да?

Кесси сворачивает на главную трассу, которая ведёт к нашему дому в Хоупвуде, и, не отрываясь от дороги, говорит:

— Почему ты вдруг такая неуверенная? Ты же так этого хотела. А ещё мы едем туда вместе. Я обещаю тебе, что мы справимся, хорошо?

— Хорошо, — отвечаю я.

— Ты хорошо спала? Выглядишь уставшей.

Моя голова откидывается на сиденье.

— Просто не могла уснуть из-за разных мыслей, всё думала про практику, ничего такого. Просто тревога перед новым этапом.

Я слышу, как Кесси убавляет звук на стереосистеме, и в машине становится тихо, слышно только, как капли дождя стучат по стеклу.

— Поспи немного, я разбужу тебя, когда мы будем подъезжать, — шепчет Кесси, протягивая мне свой мизинец.

Я оборачиваюсь в её сторону и улыбаюсь.

— Спасибо, я люблю тебя, — я хватаю своим мизинцем её, и мои глаза закрываются.

Я просыпаюсь от нежного поглаживания по плечу.

— Эй, Джу-Джу, пора просыпаться, мы почти приехали, — говорит Кесси.

Я тру свои сонные глаза и смотрю в окно, пытаюсь понять, где мы.

Машина въезжает в Хоупвуд, и я чувствую, как внутри меня что-то меняется. Городок оказывается совсем другим, чем я представляла. Он меньше Ривербрука, но в нём есть что-то уютное — деревянные дома с верандами, старые деревья, которые растут вдоль улиц, погода почти не изменилась, только дождь стал менее сильным. Я рассматриваю этот городок и чувствую — впервые за долгое время — что-то похожее на надежду.

Может быть, здесь всё будет иначе. Может быть, здесь я смогу оставить прошлое позади.

Колёса машины начинают хрустеть по гравию. Мы едем ещё около пяти минут и останавливаемся у ворот двухэтажного дома. Он выглядит как из журнала о недвижимости — фасад из тёмного дерева, аккуратные панорамные окна, скошенная крыша, уютная веранда и балкон на втором этаже.

Мы выходим из машины одновременно. Перед нами — ворота с электронным замком. Кесси листает что-то в телефон и находит письмо с кодом. Как только она вводит его, ворота со щелчком открываются.

— Хозяин прислал код на почту, — говорит она.

— Ну, нас не обманули, — я усмехаюсь. — И мы не будем жить на улице. Уже что-то.

Мы садимся обратно в машину и заезжаем в гараж. Я сжимаю руку Кесси и улыбаюсь.

— Нам нужно ещё найти ключ и наконец-то увидеть наши кровати, я хочу проспать всю свою жизнь.

Кесси энергично кивает и выходит из машины. Я следую за ней. Мы берём вещи, Бу в переноске мирно спит, он любитель поездок.

— В письме указано, что ключ должен быть в почтовом ящике, — говорит Кесси. — Ты сможешь забрать? А я пока вытащу остальные вещи.

— Да, конечно.

Я оглядываюсь в поисках почтового ящика. Нахожу его за углом гаража. Подбегаю, открываю крышку и вижу ключ и белый конверт. Не раздумывая, хватаю всё и возвращаюсь к Кесси.

— Что за конверт? — спрашивает моя подруга.

— Может, правила поведения в доме? Или инструкция. Посмотрим внутри.

Я вставляю ключ в замок, и дверь с лёгкостью поддаётся.

Внутри — всё как на фото. Просторная гостиная, совмещённая с кухней. Большой телевизор, мягкий диван, современная мебель. Камин у окна, стеллажи с книгами. Кухня оборудована всем необходимым.

Кесси плюхается на диван и вздыхает от восхищения.

— Вау. У меня такое ощущение, что мы вломились в дом к богачам и сейчас приедут копы. Странно, что за такой дом такая маленькая цена, да?

Я кружусь по гостиной, рассматривая детали. Милые фотографии местного пейзажа в рамках на полках. На столике рядом с диваном — пепельница и хрустальная ваза. Мини-бар забит вином.

— Да, это какая-то странная удача, — соглашаюсь я.

— Давай поднимемся наверх, — говорит Кесси, вставая с дивана. — Я хочу принять душ и подружиться с новой кроватью.

Мы поднимаемся на второй этаж по массивной лестнице из дерева. Наши комнаты находятся напротив друг друга.

— Встретимся внизу, как разложим вещи?

— Если я не усну от одного вида кровати, — отвечаю я.

— Ты видела там вино? И ты слышишь, как оно нас зовёт? — она понижает голос до шёпота. — Придите, придите ко мне, мои новые подружки.

Я игриво толкаю её в плечо.

— В тебе гены алкоголика. Ты знала это?

— Корни из России, — подмигивает она. — Это о многом говорит.

Я улыбаюсь ей и толкаю дверь в свою комнату.

Меня встречает аромат дерева и свежести. Окно на потолке открывает вид на серое, туманное небо. Кровать большого размера стоит посередине комнаты, рядом — шкаф из тёмного дерева, комод и письменный стол. Справа — выход на балкон.

Я открываю дверь, и звуки леса очаровывают меня. Дождь почти прекратился, но воздух всё ещё влажный и свежий. На балконе стоит уютное кресло-качалка и маленький столик. Я подхожу к перилам и смотрю на вид.

Вдалеке — лес, тёмный и густой. Луна светит сквозь облака, деревья тянутся к небу и поют свою мелодию ветвями. Где-то вдали мерцают маленькие огоньки.

Я сажусь в кресло-качалку, щёлкая зажигалкой и закурываю. Дым заполняет пространство вокруг меня.

— Да, тут прекрасно, — шепчу я. — Мне уже всё нравится.

Звуки природы успокаивают мои нервы. Я начинаю медленно качаться, но вдруг улавливаю странный звук — тяжёлые шаги. Я замираю, перестаю дышать.

Может, это Кесси решила осмотреться? Но она боится темноты, она бы не вышла без меня.

Звук прекращается, и я слышу только ветер и капли воды, скатывающиеся с крыши.

Я решаю зайти обратно. Закрываю дверь балкона и чувствую, как Бу трётся о мои ноги, жалобно мяукая.

— Эй, малыш. Сейчас я тебя покормлю.

Я подхожу к сумкам, достаю миски и лоток. Решаю поставить всё в ванной — она находится прямо в комнате. Когда я хочу открыть дверь, Бу начинает яростно шипеть. От неожиданности я роняю миски и поворачиваюсь к нему.

Он стоит с выгнутой спиной, шерсть дыбом, и смотрит в сторону балконной двери.

— Эй, Бу, — шепчу я, медленно приближаясь к нему. — Что такое? Тебя испугали птицы?

Я поднимаю глаза к окну и вижу огромного чёрного ворона. Он сидит на перилах балкона и смотрит на меня. Его обсидиановые перья поблёскивают в темноте, а два чёрных зрачка смотрят прямо в душу.

Я замираю. Сердце пропускает удар. Это просто птица. Обычная птица. Но что-то в ней — в том, как она сидит неподвижно, как не отводит взгляда, — заставляет меня чувствовать себя так, будто я смотрю в глаза своему прошлому.

Ворон наклоняет голову вбок, будто рассматривая меня, изучая. Его клюв приоткрывается, но он не издаёт ни звука, он просто смотрит. Я не могу пошевелиться, не могу отвести взгляд. Кажется, проходит целая вечность, хотя на самом деле — несколько секунд.

Резко птица расправляет крылья и взлетает. Ворон исчезает в темноте так же бесшумно, как и появился.

Я выдыхаю, не замечая, что задерживала дыхание. Беру Бу на руки и отношу в ванную, закрываю дверь.

— Боже, — шепчу я. — Надеюсь, тут нет рядом кладбища.

Я беру корм для Бу. Услышав, как еда сыплется в миску, он сразу же начинает мурчать и накидывается на неё, как голодный дикий зверь.

— Всё хорошо, Бу. Можешь поесть и спокойно поспать.

Я решаю принять душ и пораньше лечь в кровать, ведь завтра важный день — начало практики. Клиника Святой Димфны ждёт меня. Хоупвуд ждёт меня. Новая жизнь ждёт меня.

Я включаю воду. Пока она набирается, я добавляю каплю пенки и снимаю одежду. Ложусь в горячую воду — тепло окутывает меня, расслабляет напряжённые мышцы. Откидываю голову на бортик и закрываю глаза.

Пар поднимается к потолку, оседая на плитке мелкими каплями. Я чувствую, как вода обнимает моё тело, как мышцы постепенно отпускают напряжение. Мысли начинают путаться, смешиваться с образами. Я позволяю себе провалиться в это состояние — между сном и реальностью.

Тьма.

Быстрые тени. Звонкий детский смех.

Я слышу, как босые ноги бегут по деревянному полу.

— *Быстрее! Давай, постарайся меня найти!*

Хихиканье гудит в голове. Тяжёлые шаги слышно рядом.

Я чувствую, как кто-то подходит ближе. Энергия сгущается. Запах меняется — кислый, мерзкий, от которого щиплет в носу. Я пытаюсь задержать дыхание, но он проникает внутрь.

Резко я погружаюсь в воду.

Ноги бьются, руки сжимают бортики. Я пытаюсь подняться, но давление на шею не даёт мне этого сделать. Паника съедает меня. Я хочу кричать, но вода заполняет рот.

Тьма.

Я умираю. Я ничего не могу с этим поделать.

— *Джун... Джун...* — голос — тихий, мрачный. — *Старайся лучше.*

Я резко поднимаюсь из воды, хватая воздух ртом. Грудь вздымается, сердце колотится. Я дрожу всем телом, озираясь по сторонам.

— К чёрту, — выдыхаю я. — К чёрту, мать твою.

Я выпрыгиваю из ванны, как будто там кипяток, накидываю халат и врываюсь в комнату. Беру Бу на руки и выбегаю на лестницу, ведущую на первый этаж. Босые, мокрые ноги громко стучат по ступенькам.

В гостиной я врезаюсь в Кесси. Она стоит с мокрыми волосами и смотрит на меня испуганными глазами оленёнка.

— Твоя бабушка случайно тебе не рассказывала, как прогнать призраков из дома?! — выдыхаю я, запыхавшись.

Кесси медленно ставит бутылку вина на стол и задумывается на мгновение.

— В таких случаях вызывают священника, — говорит она. — Или ставят молоко и печенье для домового. Какой вариант ты выберешь? И что вообще произошло? Ты увидела призрака?

Я отпускаю Бу на пол и тру виски яростными движениями.

— Мне кажется, у меня был сонный паралич в ванной, — говорю я. — Ну, или что-то типа того.

— На, выпей, — она протягивает мне бокал красного вина. — Мне кажется, ты просто перенервничала. Завтра важный день, мы долго этого ждали, и ты просто хочешь, чтобы всё прошло гладко. Я права?

Я делаю несколько маленьких глотков и энергично киваю.

— Да, ты права, — говорю я, чувствуя, как вино немного успокаивает меня. — Я просто перенервничала. Завтра будет лучше.

Кесси подходит ко мне и обнимает меня за плечи.

— Всё будет хорошо, Джун, — шепчет она. — Пошли спать?

— Да. К чёрту.

Кесси берёт меня за руку и ведёт наверх по лестнице, обнимает у двери и желает спокойной ночи.

Я возвращаюсь в свою комнату, закутываюсь в мягкое одеяло и прижимаю к себе Бу. Его тепло успокаивает меня, моё дыхание становится более медленным, глаза закрываются, и я наконец-то засыпаю.

ГЛАВА 6

ДЖУН

Спасибо за ответ, мудака

Прошлом, 17 лет, Торнвейл

Я сижу на уроке биологии и смотрю в окно на проплывающие облака. Каракули в моей тетради говорят о том, что я совсем не слушаю, о чём говорит учитель. Мои мысли далеко отсюда. Они крутятся вокруг одного и того же вопроса: почему мой «книжный друг» мне не ответил?

Я отправила письмо неделю назад. Никакой обратной связи. Я уже начала переживать, что сделала что-то не так. На перемене я осторожно спросила одноклассников, и они сказали, что уже давно ведут переписку со своими партнёрами по заданию. Одна девочка из параллельного класса показала мне своё письмо — такое тёплое, дружелюбное, полное комплиментов и общих интересов. У них уже наметилась настоящая дружба.

А я? Я написала незнакомому человеку о том, как чуть не съела пачку порошка и чуть не умерла. При этом посоветовала книгу про серийного убийцу.

Чёрт, Джун, ты должна была написать что-то милое. Например, как это сделала Эмма — я тайком увидела её письмо и чуть не блеванула радугой. Там были смайлики, комплименты и вопросы о любимых цветах. Ей осталось только приклеить наклейки с пони, и я бы точно умерла от милоты. Ну ей хотя бы ответили, и она не завалит это задание.

Да, Джун. Умно. Очень умно.

С раздражённым вздохом я опускаю лоб на парту и закрываю глаза. Может, мне просто не повезло. Может, моё письмо потеряли, а может, человек просто выбросил моё письмо, не дочитав до конца.

Наконец звенит звонок, и все начинают собирать вещи. Сегодня был последний урок, так что можно выдохнуть и ехать домой.

Я медленно собираю тетради, закидываю рюкзак на плечо и выхожу из класса.

Кесси уже ждёт меня у выхода. Её глаза горят от вопросов, она подбегает ко мне, едва сдерживая любопытство.

— Ну что? Тебе ответили? — спрашивает она, заглядывая мне в лицо.

— Нет, — вздыхаю я. — Я не понимаю, что сложного написать «*иди к чёрту*» или «*о, я так рад твоему письму, конечно, давай всё обсудим*».

Кесси смеётся и притягивает меня к себе в дружеские объятия.

— Эй, Джу-Джу, выше нос. Кто бы там ни был, ответ будет. Вот увидишь. Может, человек просто занят, или нет настроения, не знает, что написать.

— Или он выбросил его в мусорку, — бурчу я.

— Или он выбросил его в мусорку, но потом передумал и достал, — парирует она. — Не накручивай себя.

Мы выходим на школьную парковку, и навстречу нам подбегает Рори. Он тяжело дышит, как будто бежал за нами от самого здания, и его лицо покрыто лёгким румянцем, светлые волосы взъерошены, а его карие глаза горят огнём. Когда-нибудь он должен понять, что Кесси никогда не обратит на него внимание. Но видимо, не сегодня.

— Привет, Кесси, — говорит он, немного запыхавшись. — Я хотел... я думаю, нет, я всё-таки хотел пригласить тебя в кино. Что думаешь?

Я прочищаю горло и смотрю на него. Он замечает меня и добавляет с лёгким смущением:

— О, привет, Джун.

— Привет, Рори, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

Этот маленький хорёк меня раздражает. Не потому, что он плохой человек — он, наверное, даже милый. Но он так навязчиво пытается добиться внимания Кесси, что это уже начинает быть жутким.

— Рори, прости, но я сегодня занята, — говорит Кесси, и я вижу, как в её глазах мелькает лёгкое раздражение. — Может, как-нибудь потом, ладно?

Она делает это каждый раз. Отмахивается от него, как от надоедливой мухи. Кесси пытается сделать это всегда как можно мягче, но иногда для парней как будто не существует слова «нет», и это пугает.

— Да, Кесс, понимаю, — Рори опускает плечи, и его голос становится тише. — Извини... ну, я пойду.

Он медленно разворачивается и, сгорбившись, уходит от нас. Я смотрю ему вслед и чувствую что-то похожее на жалость. Бедный парень. Он не виноват, что влюбился в ту, которая никогда не будет его. Иногда невзаимные чувства могут причинить сильную боль, главное, чтобы Рори смог с этим справиться.

Кесси громко вздыхает и поворачивается ко мне.

— Когда он уже поймёт, что мой темперамент русской женщины просто откусит его голову, если он только коснётся меня? — она закатывает глаза.

Я смеюсь и толкаю её в бок.

— Дай парню шанс, — говорю я. — Вдруг он сможет удовлетворить твои потребности. Я подмигиваю ей и шевелю бровями. Кесси фыркает.

— Не смейся. Ему нужна более милая девушка, открытая и добрая. Я не хочу, чтобы меня боялись и обожали одновременно.

У Кесси всегда были свои вкусы на парней. Ей всегда был нужен кто-то старше и мудрее, чтобы она могла, как она говорит, «получить приятный опыт». Она не ищет любовь — она ищет приключение. Пока она не нашла свою добычу, но я думаю, ждать осталось недолго.

— Если он хочет, чтобы его милая голова хорька осталась на месте, он должен прекратить, — добавляет она.

Под моё хихиканье мы забираемся в машину.

Из-за шуток и болтовни я не заметила, как мы уже доехали до моего дома. Кесси целует меня в щёку на прощание, и я выбегаю из машины, махая ей рукой.

Уже по привычке я иду к почтовому ящику, чтобы проверить, нет ли там письма. Я делаю это каждый день, хотя уже почти перестала надеяться. Открываю крышку ящика — и, о боже!

Чёрт. Чёрт.

Письмо. Самое настоящее письмо!

Я выдыхаю так резко, что воздух со свистом вырывается из лёгких. Чёрный конверт смотрит на меня.

Почему он чёрный? Может, это для родителей? Я быстро хватаю его и смотрю на адрес отправителя. Сердце начинает биться в бешеном ритме — это мне. Мне! Ответ!

Я бегу к старому дубу, бросаю школьную сумку на траву, сажусь прямо на мокрую землю и разрываю конверт. Пальцы дрожат, бумага шуршит. Я разворачиваю письмо и начинаю читать.

Для странной девчонки со странными вкусами в книгах.

Если ты читаешь это письмо, то я прошу тебя найти книгу в библиотеке на 42 Эвергрин-стрит. Отдел биография и мемуары. Обложку ты узнаешь сразу. Подсказка: автор — Энн Рул. Прочитай громко название этой книги.

До следующего письма, пасмурный нежный день.

P.S. Я не хотел отвечать на твоё письмо, чтоб ты знала. Но моя скука взяла верх. Если ты и дальше будешь рассказывать всем потенциальным друзьям, что у тебя есть странные и неуклюжие суицидальные наклонности, то открою тебе секрет: у тебя вообще не будет друзей.

Я смотрю на письмо около пяти минут. Перечитываю строчки снова и снова, пытаюсь уловить между ними что-то — намёк, эмоцию, что угодно. Но одно я вижу точно: это совсем не то, на что я рассчитывала. Я, конечно, не мечтала о милых наклейках на полях и розовых сердечках, но и такой грубый ответ тоже не ожидала получить.

— Спасибо за ответ, мудака, — шепчу я, и в голосе слышится смесь злости и обиды.

Я сжимаю письмо с яростью, но любопытство всё равно берёт верх. Что это за книга, о которой он пишет? Это его рекомендация? Проверка? Или просто способ отделаться от меня?

Нет. Ты от меня так просто не отделаешься.

С упрямством я встаю с травы, отряхиваю юбку от мокрых листьев и направляюсь к гаражу. Мне нужно успеть до закрытия библиотеки.

Дождь уже начинается, но мне плевать. Я беру велосипед и на всей скорости кручу педали, выезжая на знакомые улицы Торнвейла. Ветер бьёт в лицо, дождь уже начинает моросить, но я не чувствую холода — только предвкушение.

Быстро проезжаю мимо домов, мимо парка, сворачиваю на Эвергрин-стрит. Библиотека уже видна вдалеке — старое кирпичное здание с большими окнами.

Ставлю велосипед на парковку и быстрым шагом бегу к дверям. Я поднимаюсь по ступенькам через одну, до закрытия ещё целый час, но моё любопытство меня сейчас съест.

Открываю тяжёлую дубовую дверь, и меня встречает запах бумаги, пыли и старой краски. Этот запах успокаивает меня. Библиотека — одно из немногих мест, где я чувствую себя на своём месте.

Оглядываясь по сторонам, я вижу женщину за стойкой — седые волосы, очки на цепочке, строгий взгляд. Она смотрит на меня поверх очков, пока я подхожу к ней. Я стараюсь улыбнуться как можно более мило.

— Здравствуйте, — говорю я. — Не подскажете, где я могу найти книги автора Энн Рул?

Она медленно поднимает взгляд, осматривает меня с ног до головы, и в её взгляде я читаю лёгкое неодобрение. Я продолжаю улыбаться, хотя внутри всё сжимается.

— Странный выбор для такой девчухи, — говорит она. — Иди за мной.

Я следую за ней, стараясь не обращать внимания на её тон. Вкус предвкушения разливается по телу — я почти бегу за ней, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле.

— Вот эта полка, — она указывает на стеллаж в углу. — Поищи сама. У меня много дел. Но если мне не изменяет память, книга этого автора всего одна.

— Спасибо, я поищу, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Она долго и пристально смотрит на меня, как будто пытается понять, что я здесь делаю. Потом вздыхает и уходит обратно на своё место.

Я поворачиваюсь к полке. Мои глаза бегают по корешкам, ищут имя автора и что-то особенное. Он написал, что я сразу узнаю обложку.

И вот — я вижу её.

Обложка чёрного цвета. На ней — глаза. Они смотрят так пристально, так пронзительно, как будто из самой преисподней. Меня пробивает дрожь. Я беру книгу в руки, переворачиваю и читаю название, написанное яркими красными буквами:

«Незнакомец рядом со мной».

Я открываю книгу, пробегаю глазами по аннотации. Это история женщины, которая лично знала серийного убийцу Теда Банди. Она считала его умным, добрым и милым человеком — и только потом узнала, что рядом с ней всегда находился монстр. Убийца.

Если это какой-то странный намёк, то признаюсь, мне стало немного жутко.

Я решаю взять книгу с собой, хочу прочитать её сегодня же. Возвращаясь к выходу, я всё думаю о названии. «Незнакомец рядом со мной». Скорее всего, это просто такой необычный способ показать, что мы начинаем общение. У всех людей разное чувство юмора и всё такое, я вообще написала о том, как чуть не умерла большое количество раз из-за своей же глупости, так что не мне судить.

Я подхожу к стойке, заполняю карточку посетителя и расписываюсь, что беру книгу. Женщина провожает меня тяжёлым взглядом, но я снова улыбаюсь ей во все тридцать два зуба, как какая-то душевнобольная.

— Хорошего вечера, — говорю я.

Она ничего не отвечает.

Ладно, к чёрту.

Засунув книгу в сумку, я сажусь на велосипед и возвращаюсь домой. Дождь уже усиливается, капли стекают по лицу, но я улыбаюсь. У меня есть ответ. У меня есть книга, и у меня будет хороший балл по литературе.

Как только я захожу в свою комнату, я запираю дверь и бросаю сумку на кровать. Сразу подхожу к столу, сажусь и нахожу чистый лист. Ручка скользит по бумаге, когда я начинаю писать ответ.

Я так тщательно вывожу буквы, так старательно пытаюсь передать все свои эмоции. В шкафчике нахожу свой фотоаппарат Polaroid — старый, но работающий. Делаю несколько кадров: себя с книгой в руках, свою улыбку, свою комнату. Выбираю самый удачный снимок — на нём я держу книгу перед собой, улыбаюсь и смотрю прямо в объектив. Я кладу фото в конверт вместе с письмом.

Смотрю в окно, на почтовый ящик и уголки моих губ поднимаются вверх.

На улице снова дождь. Я накидываю дождевик, обуваю свои любимые жёлтые сапоги и выбегаю на улицу. Вода заливает всё вокруг, но мне плевать. Добегаю до почтового ящика и опускаю письмо с каким-то особенным трепетом.

Я закрываю крышку и стою под дождём ещё несколько секунд, чувствуя, как капли стекают по лицу.

— Хоть бы пришёл ответ, — шепчу я в пустоту. — Хоть бы. Хоть бы.

ГЛАВА 7

АЛЕКС

Франкеништейн

Прошлое, 21 год, Торнвейл

Сегодня выходной, и я это терпеть не могу. Мне нечем занять свою голову, и из-за этого я иду на второй этаж, чтобы доделать балкон. Нужно достроить его и поставить новые перила. Да, мой отец был мастером на все руки — умел всё, кроме одного: быть хорошим отцом. Он не успел многое доделать, поэтому приходится мне.

Из гаража я беру вырезанные мной перила для балкона, лак для мебели и направляясь на второй этаж. Сигарета зажата между губ, и пепел падает на ступеньки, пока я поднимаюсь. Моя мать возненавидела бы меня за это, но мне плевать. Она не сможет встать из могилы и отчитать меня.

Дверь балкона уже открыта. Я захожу и начинаю примерять каждый брусок, чтобы составить их в правильном порядке. На каждой такой доске я вырезал рисунки воронов. Их перья выделяются и поблёскивают сквозь дерево. Если провести по ним пальцами, можно почувствовать их крылья. Я старался.

Кертис послужил вдохновением.

Затягиваюсь сигаретой и выдыхаю густой дым, пока вбиваю гвозди. Тут же меня отвлекает звук карканья. Я поднимаю голову и вижу, что на краю балкона сидит чёрный ворон. Его глаза, как маленькие чёрные пуговицы, устремлены на меня. Он громко каркает и машет крыльями.

— Тебе нравится, друг? В этом дереве — твой портрет. Видишь?

Я указываю ему пальцем на вырезанный рисунок в древесине. Его чёрная голова поворачивается в разные стороны, как будто он обдумывает, симметрично ли он выглядит на своём портрете. Как главный критик моего творчества, он каркает один раз и улетает вниз, к кормушке. Я установил её недели две назад специально для него. Большая вместительная деревянная конструкция из четырёх стен по бокам, основание внизу и скошенная крыша, чтобы дожди не могли испортить крекеры или другие угощения.

Я смотрю, как птица цепляется за основание кормушки своими когтями и хватает клювом крекеры. Взмах крыльев — и он уже улетел.

Иногда мне кажется, что я похож на эту птицу. Кертис — характерный и колючий, не подпускает к себе других птиц и всегда один. Может, мы родственные души? Пока он не говорит и не задаёт много вопросов, меня это устраивает.

Закончив забивать последний гвоздь, я люблю свою работу. Каркас балкона держится крепко, деревянные балки стоят ровно, и рисунки на них переплетаются между собой. Надгробия, ветви деревьев, вороны. Всё идеально, я горд своей работой.

Я собираю инструменты и спускаюсь вниз, чтобы принять душ и подготовиться к работе на кладбище.

Ванная встречает меня клубами пара. Я люблю горячую воду, так сказать, подготавливаю себя к вечным терзаниям в чистилище.

Намыливаю тело куском мыла, и пена скатывается по коже. Пальцами я вывожу узоры по рукам, по шрамам, закрытым татуировками. На каждый шрам — своя линия. Они переплетаются, создавая вихрь чёрных полос. Маленькие и большие, они начинаются от кистей рук, поднимаются к плечам, переходят на спину и ниже, на ноги. Я увековечил старания моего отца.

Чёртов кусок дерьма.

Мои мышцы напрягаются при воспоминании о нём, и звонкий смех моей сестры разносится в голове, как ультразвук. Я падаю на колени в ванной и тру виски.

— Хватит. Хватит. Хватит. Умоляю.

Я лежу в ванной, как бесформенная жижа, прижимая колени к груди. Глаза так сильно зажмурены, что я вижу звёзды и маленькие вспышки света. Но этот свет обманчив — ещё целых пять минут я буду в агонии. Я знаю этот процесс. Приступы повторяются всегда: я слышу голоса, чувствую запахи и всегда переношусь в тот самый день.

Я перестаю контролировать своё тело, ногти вонзаются в кожу и оставляют царапины. Обжигающие струи бьют по лицу, вода попадает в нос. Я пытаюсь сделать вдох, но лишь сильнее задыхаюсь.

— Алекс, Алексееес, ну поиграй со мной! Папа сказал, что только ты моя нянька, у него самого много дел.

Вспышка. Вспышка. Звуки, запах крови... я больше не могу. Пожалуйста, пусть это закончится.

— Алекс, а правда, что птиц можно приручить? Я узнала в школе, что ворона можно научить разговаривать. Представляешь?

Вспышка. Плеск воды. Детский крик.

Я больше не могу дышать.

Я задыхаюсь.

Пожалуйста, дай мне умереть.

Забери меня в свою розовую сказку, моя малышка. Я хочу заплетать твои светлые волосы в косички. Хочу снова наклеить на твои детские щёки эти противные розовые наклейки со звёздами. Я хочу снова провожать тебя в школу. Я хочу снова подарить тебе надёжного брата. Я хочу, чтобы ты красила мои ногти в розовый цвет, и мы смеялись от того, как блёстки переливаются на моих пальцах.

Я хочу подарить тебе надежду, что всё будет хорошо, моя малышка.

Со вдохом я вырываюсь из потока воды и хватаю ртом воздух рваными глотками.

Я ненавижу этот ублюдский мир. Я ненавижу себя каждый день всё больше и больше. Я не смог её защитить. Я не был тем братом, которого она заслужила.

Мои приступы ухудшаются с каждым днём. Я знаю, что когда-нибудь не смогу больше бороться, у меня не останется сил, и я сделаю что-то непоправимое.

А пока, с горечью, я вылезаю из уже холодной воды и вытираюсь полотенцем, собрав все силы, что у меня остались. Моё отражение в зеркале может напугать кого угодно. Шрам на

щеке красный и пульсирует — видимо, я расцарапал его, когда боролся со своим прошлым. Глаза испуганные и красные, я не спал уже несколько месяцев нормально.

Я провожу со вздохом рукой по волосам и выхожу из ванной.

В комнате я натягиваю чёрную толстовку с капюшоном, джинсы и берцы, хватаю рабочую сумку и спускаюсь вниз.

В прихожей на крючке висит жёлтый дождевик, я быстро натягиваю его сверху, беру ключи от машины и выхожу.

Мой пикап стоит у дома. Старая развалюха, но он служит мне верой. Закинув вещи на заднее сиденье, я оборачиваюсь и смотрю на почтовый ящик.

Да, к чёрту.

Я иду к нему быстрыми шагами и обнаруживаю, что эта странная девчонка не сдалась. Белый конверт уже ждёт меня. Я хватаю его, убираю в карман и бегу обратно к машине — дождь начинается сильный, нужно успеть доехать до бури.

Сажусь за руль, включаю песню «Follow You Into The Dark» — Alan Wake, RAKEL. Открываю окно и закуриваю. Мелодия успокаивает меня. Дождь барабанит по лобовому стеклу, и под эти звуки мои мысли возвращаются к приступу в душе. Я с силой сжимаю руль и пытаюсь успокоить дыхание.

— Я надеюсь, что ты повеселился, отец. Гори в аду.

Я подъезжаю к кладбищу. Паркую машину, собираю вещи и выхожу.

Я иду по грязной и мокрой тропинке. Пытаюсь обойти самые глубокие лужи, но ничего не выходит. Ботинки становятся грязными, ноги мокрыми. Нужно идти быстрее, чтобы я смог высушить обувь и успел убраться у некоторых могил до наступления ночи.

Проходя мимо надгробий, я глажу каждое и приветствую моих друзей.

Дверь открывается со скрипом, отряхиваю обувь от грязи и сразу снимаю, чтобы поставить сушиться. Включаю радио и кофемашину, запах кофе начинает перебивать запах дождя и сырости.

Я стою у камина и любуюсь тем, как огонь начинает разгораться. Тепло и звук потрескивающего дерева действуют на меня как снотворное, и я пытаюсь бороться с тем, чтобы не закрыть глаза и не уснуть прямо здесь.

Я всегда сплю лучше в хижине, чем в собственном доме. Когда я здесь, мои мысли растворяются, мир меняется. Я могу спокойно рисовать, печь булочки, делать свечи.

Возможно, мне и правда стоит переехать сюда навсегда.

Я чуть лениво открываю глаза и вспоминаю про письмо, которое сегодня забрал. Я достаю его из кармана и медленно разрываю конверт.

Мой не-друг, ты не отделаешься от меня. Мне нужна эта хорошая оценка по литературе, и я заставлю тебя написать мне хоть какой-нибудь маленький отзыв по моему совету. Выкуси.

Я нашла книгу, о которой ты писал. Ты тот самый незнакомец рядом со мной, верно? Насколько близко ты рядом? Та женищина, Энн, писала о том, что человек, которого она считала своим другом — добрый и милый парень — оказался чудовищем, который уничтожил своими действиями судьбы многих людей. Это какая-то отсылка? Мне нужно пережить? Если да, то тебе стоит признаться.

Но скажу сразу: тогда у нас не получится дружбы. Но в твоё утешение скажу, что, если ты расскажешь в подробностях все свои преступления, я напишу о тебе книгу. Я уже придумала название: «Пару писем от мудака». Думаю, подходит.

В свою очередь я прошу тебя сходить в эту же библиотеку. Широко улыбаться женщине за стойкой и попросить показать тебе ряд, где ты можешь найти книгу автора Терри Салливан. Обложку ты узнаешь сразу, прочти громко название.

Я всё ещё жду от тебя рекомендацию к прочтению.

И ещё вопрос. Почему ты обращаешься ко мне как «пасмурный нежный день»? Если честно, это выглядит странно. Я больше ассоциирую себя с солнцем и теплом. Мне кажется, нет, я чувствую, что дождь и серость больше подходят тебе.

P.S. Прикрепляю фото своего отчёта. Я не врушка и серьёзно отношусь к заданиям.

Я смеюсь. Правда, смеюсь. Этот звук выходит из меня таким диким, что я не испытывал ничего подобного уже очень давно. Это удивляет меня.

Но моё веселье заканчивается, как только я вижу маленькое фото, которое она прикрепила к письму.

Первое, что я замечаю — это глаза. Её яркие зелёные глаза смотрят на меня с огнём и азартом. Чёрные пряди обрамляют её лицо, они чуть влажные. Одна прядь прилипла к щеке и касается губ. Пухлые, розовые губы раскрыты в улыбке, которая подчёркивает ямочку на щеке. Она так безумно красива, что у меня сводит внутренности. Её длинные ресницы выделяют глаза — глаза, которые заставляют меня встать на колени и просить добавки её внимания. Я хочу, чтобы эти глаза смотрели на меня вечно, а я бы, как верный пёс, выпрашивал для себя ещё и ещё.

Она божественна. Неукротимая красота. Я не видел раньше ничего подобного. На заднем плане замечаю кота — полностью чёрного, он, видимо, мирно спит, пока его хозяйка совершает самую ужасную ошибку в своей жизни. Прислать мне это фото было ошибкой.

Что-то дикое просыпается во мне, с чем я раньше не был знаком. Все мои шрамы начинают покалывать. Глаза горят. Что это?

Слеза? Чёрт. Я плачу от красоты девушки? Или оплакиваю своё уродство?

Большим пальцем я подбираю слезу со щеки и пробую её на языке. Солёный вкус ощущается как искупление, как причастие перед переходом на новый уровень в моей душе. Я чувствую, как эта солёная жидкость смазывает механизмы в моём заржавевшем сердце и приводит его в движение. Болтики и гайки начинают своё движение.

В этой истории Джун — безумный Франкенштейн, а я — те куски плоти, которые она собирает в одну непонятную массу. Ток её красоты оживляет меня, возрождает моё сердце, заставляет его биться так сильно и живо, что я сам удивляюсь этому процессу. Только вот вопрос: не монстра ли она оживила?

Я продолжаю смотреть на её фото. Мои слёзы пропитывают щёки, и этот поток не может остановиться. Капли падают на маленькую карточку в руках и размывают силуэт Джун. Я сильно сжимаю снимок и закрываю глаза.

— Джун, умоляю, не стоит мне больше писать, — шепчу я. — Ты не должна погрязнуть в этом болоте. Я не допущу этого.

Я кладу её фото в карман толстовки, а письмо — в сумку. Я точно знаю, что завтра у меня есть дела. Я должен сходить в библиотеку.

ГЛАВА 8

ДЖУН

Место безумия

Настоящее время, 22 года

Хоупвуд — клиника Святой Димфны

Сидя в машине, мы едем под песню «After the Fall» — Chelsea Wolfe. Музыка наполняет салон и успокаивает мои нервы. Первый день в клинике Святой Димфны. Я нервничаю и не могу найти себе места.

Я выполнила все свои ритуалы счастливого дня. Бу уже сходил с ума от того, сколько раз я погладила его шерсть и в каком порядке — этот бедный кот спрятался от меня под кровать. Я приняла душ, намылилась ровно семь раз. Число удачи. Нанесла лёгкий макияж, прошлась кистью с румянами по лицу три раза. Это тоже хорошее число. Надела водолазку, которая приносит удачу, строгие брюки чёрного цвета и удобные сапоги. Белый халат, наглаженный и лежащий в моей сумке, три запасные книжки и штук двадцать ручек. Всё должно быть идеально. Этот опыт мне нужен — практика в Святой Димфне откроет многие дороги.

Я чувствую, как тёплая рука Кесси сжимает мою. Я поворачиваюсь и улыбаюсь ей. Но улыбка нервная, уголки моих губ дрожат.

— Джун, прекрати дрожать так сильно и улыбаться как сумасшедшая, — говорит Кесси. — Или в соседней палате с пациентами этой клиники уже окажешься ты.

Я морщусь от её слов и беру себя в руки. Мы шли к этому долго. Бессонные ночи над учебниками, бесконечные лекции, ни одного пропуска, чтобы получать лучшие оценки — и всё это, чтобы сейчас оказаться в этом месте.

Машина Кесси останавливается на парковке. Ну, если её можно так назвать. Никаких указателей рядом нет, но тут стоят и другие машины, так что, скорее всего, мы в нужном месте. Я смотрю в окно и вижу высокий забор из белого камня — за ним не видно ничего. Рядом находится пропускной пункт с большой табличкой, где указано название клиники.

Мы собираем свои вещи и документы. В них указаны все детали нашего перевода на практику и подписи от преподавателя и директора университета, большая печать как знак одобрения.

Мы идём по маленькой дорожке. Вокруг нас лес — большие деревья, за которыми не видно ничего, кроме облаков. Серость и тучи приносят этому месту ещё больше мрака. Вот-вот начнётся дождь, я чувствую это.

Мы ускоряемся до пропускного пункта, и нас встречает мужчина в форме охраны.

— Кесси Дрю и Джун Харрис. Мы приехали для прохождения практики. Вот наши документы.

Кесси передаёт их охраннику, и он опускает на них свои глаза ястреба. Хмурится, просит подождать здесь, пока он сделает пару звонков.

Я с силой сжимаю кулаки, ногти вонзаются в кожу, и я морщусь от боли.

Прекрати так нервничать, Джун.

Охранник возвращается с нашими документами и бейджиками в руках.

— Я позвонил директору учреждения. Всё в порядке. Держите свои документы и бейджи — они понадобятся для входа на территорию при каждом посещении. Проходите и идите до главного входа, вы увидите большие белые двери. Вас там будет ждать заведующий отделением — доктор Моро.

Мы благодарим охранника и проходим дальше. За нашими спинами слышен звук закрывающихся ворот. Такое ощущение, что мы попали в тюрьму или в ловушку, из которой нет выхода, как бы ты ни старался его найти.

Территория клиники огромная. Зелёный газон, пешеходные дорожки, античные статуи по всей территории, маленькая часовня около основного здания, беседки для отдыха. Много скамеек, и всё это окружено лесами и серым небом. Большая плакучая ива стоит рядом с входом в главное крыло. Её ветви касаются окон этого серого здания. Сама клиника выглядит чисто. Три этажа, множество окон. Что привлекает моё внимание — статуи ангелов и демонов

на самом верху здания. Балконов нет, я так понимаю, это сделано для безопасности пациентов. Но есть пожарные лестницы, которые изгибаются и уходят до самого верха.

Мы доходим до главного входа и видим мужчину в медицинском халате с серым зонтом в руке. Первое, что я замечаю — его высокий рост и крупное телосложение.

Мы с Кесси оглядываемся друг на друга.

Его властный голос нарушает тишину этого места.

— Рад вас приветствовать в Святой Димфне. Меня зовут Логан Моро, заведующий отделением психиатрической помощи и реабилитации, также являюсь директором данного учреждения.

Кесси не может оторвать от него своих глаз, и я вижу, как её щёки покрывает румянец.

О, я её понимаю. Теперь и я могу разглядеть красоту этого мужчины. Статная, королевская внешность. Теперь и я могу разглядеть красоту этого мужчины. Статная, королевская внешность. Острые черты лица: скулы, которыми можно разрезать бумагу, губы, сжатые в тонкую линию, яркие карие глаза.

Он смотрит на нас, как ястреб на свою добычу.

В его чертах прослеживаются итальянские корни, и акцент его выдаёт, как бы он ни старался его скрыть. На вид ему не более тридцати. Он странно молод для директора и заведующего, но мне лучше не думать об этом, а сосредоточиться на своих целях.

Я вижу, как тело Кесси стало каменным. Она не может даже дышать. Интересно, она слышала, что он сказал?

— Мне нужно провести вам экскурсию, рассказать про принцип работы и режим. Потом мы подпишем документы, и я подробнее расскажу этапы прохождения вашей практики. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Он хмурится, подходит ближе к Кесси и щёлкает пальцами перед её лицом.

— Я не думаю, что провёл какой-то гипноз, мисс Дрю. Вы можете дышать.

Кесси вздрагивает и выходит из своего транса. Если бы я так не нервничала, то явно бы захихикала.

Он разворачивается и молча идёт к главным дверям. Мы, как послушные овцы, идём за своим пастухом.

Холл клиники окутывает запах лекарств и антисептика. Белые стены и двери тянутся по всему этажу. Много поворотов и закоулков.

Это какой-то белоснежный лабиринт.

— На первом этаже здания находится административный корпус. Кабинеты врачей, медсестёр и остального персонала. — Он указывает на большие стеклянные двери, через которые можно разглядеть длинный стол и множество стульев. — Это переговорная. Там происходят каждое утро совещания и передача смен. Сотрудники докладывают об изменениях динамики пациентов и о своей смене. Врачи вносят свои коррективы, делают назначения.

Мы внимательно слушаем каждое слово нашего пастуха и идём дальше.

— В ваших документах я прочитал, что вы находитесь на важном этапе вашего обучения. Не подскажите ваш дальнейший путь? Вы уже определились? Дорог слишком много. Святая Димфна подарит вам шанс в области клинической психиатрии.

Кесси решает ответить первой.

— Я хочу найти своё место в судебной психиатрии. Мне это ближе, да и моя бабушка из России работала судьёй. Хотя там и законы другие, но я с детства погружена в это. А мой отец — детский психолог, психотерапевт. Он сразу же выбрал педиатрию.

Доктор Моро кивает.

— Значит, семейные дела. Понимаю. А вы, мисс Харрис?

Я тут же выпрямляюсь и смотрю на него.

— Клиническая психиатрия. Я хочу найти своё место среди действительно сложных пациентов. Как бы так сказать, меня это притягивает с самой юности. Я начала с книг про исследование серийных убийц. Шизофрения, биполярные расстройства, диссоциальное, пограничное расстройство личности. Я читала и читала, пока не поняла, что это больше чем просто детское любопытство. Тогда и решила поступать в университет и идти по этому пути.

Логан внимательно слушает меня и кивает.

— *No capito tutto*, — говорит доктор на непонятном мне языке. Я смотрю на Кесси, она тоже пожимает плечами.

— Это значит «я всё понял» с итальянского. Иногда пациенты в разных стадиях бреда могут разговаривать на разных языках — это зависит от их прошлого или степени травмы.

— Вы сейчас сравнили себя с пациентом в стадии бреда?

Я ахаю и сжимаюсь от слов Кесси. Эта сучка когда-нибудь может заткнуться?

Доктор Моро медленно поворачивается к ней и впивается своими карими глазами в её глаза. Несколько секунд между ними происходит какая-то странная дуэль.

— Нет, Кесси. Это я намекнул, чтобы вы расширили диапазон ваших знаний. Мой вам совет: думайте перед тем, как говорить. Некоторые слова могут стоить языка. Как там говорят в России: «Язык до Киева доведёт». Ваш может вас довести до выхода из этого учреждения.

Кесси краснеет. Только я не могу понять, из-за чего больше. Но, зная её характер, я понимаю, что это из-за злости, которая сидит в ней. Вечером мне придётся выслушать все ругательства на русском по поводу этой ситуации.

Я обречена.

Голос доктора Логана прерывает поток моих мыслей.

— Клиника разделена на два блока, каждый на своём этаже. Сейчас мы находимся в блоке А. Тут находятся пациенты в более-менее стабильном состоянии: проходят реабилитацию, могут выходить на улицу в определённые часы. У них общая столовая для большей социализации. На постоянной основе на этаже есть санитары и медицинский персонал. Медсёстры работают посменно. Также всегда есть дежурные врачи. Иногда и я остаюсь на ночь, когда есть проблемы или поступление нового пациента. Нужно контролировать каждый процесс, чтобы всё было гладко. Узкие специалисты работают семь дней в неделю. На каждый день у пациентов есть своё расписание в сочетании с их свободным временем.

Мы с Кесси киваем нашему пастуху, и невидимые колокольчики на наших шеях издадут звук, что мы его слушаем.

Я оглядываюсь и вижу довольно спокойную обстановку. Пациенты играют в шахматы, кто-то читает. Из колонок слышна спокойная музыка. Некоторые бродят из угла в угол с задумчивым видом. Персонал слаженно выполняет свою работу, двери в палаты открыты, и видно, как пациенты спят или обедают.

Да, этот этаж спокойный, и видно, что тут есть множество возможностей научиться новому, но меня это не завораживает. Я хочу больше. Выше.

Как только мы поднимаемся наверх, перед нами появляется большая железная дверь с кодовым замком. Доктор Моро подходит и вводит длинный пароль. Дверь со щелчком открывается, и нас встречает длинный коридор с дверьми по разные стороны. Он объясняет, что это специальные боксы для пациентов. В каждой двери установлено маленькое окно для наблюдения и отверстие под размер подноса. Мне это напоминает что-то из сериалов про тюрьму. Однажды Кесси показывала мне видео на YouTube про «Чёрный дельфин» — тюрьма для особо опасных преступников, находится где-то на юго-востоке России. В том видео я увидела внутренности этого заведения: такие же двери, маленькое окошко и серые стены внутри.

Я чувствую, как мурашки предвкушения и страха распространяются от кончиков пальцев до кончиков волос.

— Это отделение Б. Тут находятся пациенты, опасные для общества. У них глубокая стадия заболевания. Они агрессивны, не поддаются лечению, а некоторые находятся в бреде. На этом этаже находится намного больше санитаров, чем на первом. Пост медсестры и кабинет врача — в конце коридора. Персонал работает тут тоже посменно, как и в отделении А. Они следят за приёмом лекарств, состоянием пациентов и порядком. Санитары всегда сопровождают медсестёр. Никогда нельзя заходить в боксы одному — это главное правило. Эти пациенты, хоть и в бреде, на вид выглядят спокойно, но внутри у них буря. Вы не можете предугадать, что он может сделать в следующую секунду.

Мы молча киваем и проходим дальше вглубь коридора.

— Вы начнёте свою практику с отделения А. Сначала будете работать с медсёстрами, чтобы запомнить режим работы учреждения. Потом сможете присутствовать с врачами на сессиях с пациентами, наблюдать и записывать. После этого я решу, можно ли вас оставить на суточное дежурство — естественно, санитары всегда будут рядом. После этого этапа будет собрание, где врачи вместе со мной решат, можно ли вас допустить на отделение Б. Если комиссия решит, что вы готовы, то сможете поработать и тут. Я надеюсь, что вы отнесётесь очень серьёзно к этому процессу и к своей работе в целом.

— Не сомневайтесь, доктор. Мы долго к этому шли и понимаем всю серьёзность.

Я смотрю на него снизу вверх, так как его рост не позволяет мне быть равной ему.

— Я очень на это надеюсь.

Когда мы уже идём обратно, моё внимание привлекает дверь. На ней кроме кодового замка установлены и другие замки. Мой интерес берёт верх, и я заглядываю в маленькое окошечко.

Ко мне спиной сидит мужчина. Его широкая спина обтянута белой футболкой, синие брюки и белые кеды на ногах.

Его напряжённые мышцы перекатываются под футболкой. Он склонился над маленьким письменным столом и что-то энергично пишет или рисует.

Вот это уже кажется интересным. Что с ним? Что у него в голове? Почему он тут?

Интерес. Интерес. Мои пальцы пульсируют на кодовом замке.

Вдруг я чувствую движение сзади. Доктор Моро подошёл безумно тихо.

— Этот пациент особенный, — говорит он. — Я не могу сказать, сможете ли вы с ним поработать или услышать от него хоть слово. Шизофрения, диссоциальное расстройство личности. Он агрессивный и почти не разговаривает. Врач Тори Эбигейл ставила диагнозы из общего наблюдения и сбора данных от близких и знакомых. Она собрала весь анамнез, как смогла.

Мой голос — ниже шёпота. Я почему-то боюсь говорить слишком громко рядом с дверью этого пациента. Странное чувство поселяется глубоко внутри меня.

— Как давно он тут? И извините за вопрос, но разве таким пациентам, как он, можно держать в палате острые предметы? Карандаш или ручка — я не могу точно разглядеть, чем он рисует.

— Вы правы, Джун. На этом этаже опасные пациенты и непредсказуемые. Но мы не должны их держать как диких зверей в клетке, иначе никакого прогресса не будет. Их нужно занять и дать то, что поможет им окончательно не утонуть в бездне. Понимаете? Он рисует восковыми мелками. Они не такие острые, как карандаш или ручка, но тоже могут нанести вред. А для этого существует правило: нельзя входить никогда одному, всегда с сопровождением.

Я киваю и продолжаю следить за движениями пациента. Его энергия направлена на резкие движения по бумаге. Как только я собираюсь отойти от двери, его голова медленно поворачивается. Я не вижу лица, но замечаю ухмылку, он перестал рисовать. Его тело замирает, и видно, как он глубоко дышит.

По мне проходит дрожь, и я отскакиваю от палаты. Разворачиваюсь и энергично догоняю доктора Моро и Кесси. Когда я приближаюсь к ним, то слышу, как доктор произносит что-то на итальянском.

— *Sei così stupida.*²

Он хмуро смотрит на Кесси и сжимает медленным движением кулаки. Чёрт. Что она опять ему сказала?

После экскурсии мы приходим в кабинет доктора Моро.

На подпись нам дают документы, в них прописаны правила, режим работы и все важные моменты нахождения в клинике. Крупным шрифтом указан текст с правилами о неразглашении медицинской тайны. Мы подписываем и после этого получаем форму и свои заново оформленные бейджики.

— Жду вас завтра к семи утра. В 7:10 у нас совещание с сотрудниками. Не опаздывайте и удачной дороги.

Мы с Кесси благодарим его и выходим через главный выход.

Запах деревьев успокаивает нервы, свежесть от дождя ощущается на коже приятной дрожью.

Проходя через ворота, мы киваем охраннику и направляемся к парковке. Садимся в машину и минуту молчим. Кесси вставляет ключи, и машина оживает, наполняя салон тёплым воздухом.

Я не выдерживаю и нарушаю тишину.

— Ты явно его взбесила.

Кесси пожимает плечами.

— Я не виновата, что у него нет чувства юмора. Я серьёзно отношусь к этой практике, Джу-Джу. Но да, вывести из себя этого доктора Моро явно входит в мой топ обязанностей. — Она подмигивает мне.

Боже, дай мне сил.

ГЛАВА 9

АЛЕКС

Почтальон

Прошлое, 21 год, Торнвейл

Моя машина паркуется у библиотеки почти у самых ступеней. Я докуриваю сигарету и выбрасываю в окно, попадая прямо в мусорку. С пассажирского сиденья беру письмо Джун и кручу его в руках, рассматривая с разных сторон.

Чёрт. Что я делаю?

Зачем я вообще всё это начал?

Из-за своего импульсивного поступка теперь я оказался здесь, втянутый в странную переписку.

К чёрту.

Я делаю глубокий вдох и выхожу из машины, медленным шагом иду по ступеням к главному входу. Как только открываю дверь, то чувствую запах бумаги, здесь слишком тихо, несколько людей склонились над книгами и тёплый свет подсвечивает проходы между стеллажей.

Женщина за стойкой поднимает свои очки и с вопросом смотрит на меня. Я подхожу к ней и широко улыбаюсь, как и просила Джун в своём письме.

Женщина вздыхает и осматривает меня подозрительным взглядом с ног до головы. Её взгляд перемещается на белый конверт в моей руке.

— Чем могу помочь? — её голос резко врывается в тишину.

— Здравствуйте. Мне нужно найти книгу Терри Салливан. Ну или можете показать примерный ряд, я найду сам. — Я продолжаю улыбаться.

Чёрт, у меня уже болит лицо.

— Вы издеваетесь? — ворчит она. — Что за интерес у молодёжи стал к таким книгам?

Перелистывая тетрадку, она, видимо, находит то, что искала, и молча начинает идти вглубь библиотеки. Я следую за ней как верный пёс.

Она молча тычет мне пальцем в книгу и уходит.

Какая же ворчливая женщина.

Я беру с полки книгу и начинаю громко смеяться. Посетители шикают в мою сторону, но я не могу остановиться. Смотрю на обложку: коричневый цвет, череп в углу и название большими серебристыми буквами — «Клоун-убийца». Я продолжаю смеяться.

Громко прочитать первое слово из названия?

Хорошо, Джун.

Я как можно громче произношу:

— КЛОУН!

Все посетители поворачиваются со злыми взглядами. Я пожимаю плечами.

— Просто нашёл книгу, которая мне была нужна. Ничего такого.

Моё внимание привлекает клочок бумаги, который выглядывает из страниц. Я открываю книгу, и ко мне в руки падает маленькое фото.

Я тихо смеюсь, заглушая звук ладонью.

На фото изображён средний палец Джун, её чёрный ноготь отсвечивает, и я понимаю этот бунтарский посыл.

Хорошо, раз ты выбрала такую игру, мой пасмурный нежный день, я принимаю правила.

Я прошу маленькую бумажку и ручку у рядом сидящего человека. Прохожу к стеллажам и ищу глазами подходящую книгу. Беру в руки экземпляр Томаса Харриса — «Молчание ягнят». Вроде бы подходит. Листаю страницы и ищу что-то особенное. Мои глаза бегают по строчкам.

Вот оно, нашёл.

Я беру ручку и жирно выделяю строчки. То, что я сейчас делаю, считается вандализмом над книгами, да? Но когда мне было не плевать.

Ручкой я ярко подчёркиваю строки. Мне нужно, чтобы она их заметила.

«Вы многое видите, доктор. Но достаточно ли вы сильны, чтобы направить это проницательное зрение на себя?»

Подчёркнутая фраза смотрит на меня, и я удовлетворённо киваю. Я оставляю закладку в этом месте. Листаю ещё пару страниц и решаю подчеркнуть ещё одну фразу.

Я рисую быстро рядом ворона, оставляю ещё одну закладку между страниц и захлопываю книгу. Аккуратно возвращаю её на своё место и чувствую, как азарт расцветает глубоко внутри меня, и самое главное, что мне это даже нравится.

Игра началась, мой нежный пасмурный день.

Иду обратно к выходу и ослепительно улыбаюсь женщине за стойкой, опуская взгляд к её бейджику.

— До свидания, Мария. Спасибо за гостеприимство.

Её глаза сужаются.

— Надеюсь, не увидимся, мистер.

Какая же всё-таки ворчунья.

Я выхожу и сажусь в машину, завожу двигатель, и резко головная боль начинает сводить меня с ума. Я бью руками по рулю, моё тело корчится в агонии, все мышцы сводит, дрожь пробегает по каждому нерву.

Всё смешивается. Резкие вспышки и детский плач не дают мне сделать вдох. Я не могу дышать. Мне так больно.

Когда же это прекратится?

Голоса начинают шептать свою медленную мелодию. Я кусаю губы, чувствую разъедающий яд на языке. Я глотаю и глотаю этот поток. В отражении зеркала я выгляжу как безумный. Мои губы окрашены в красный, шрам на щеке принимает бордовый оттенок, мои скулы дергаются, серые глаза становятся прозрачными.

Эти голоса, пусть они замолчат.

Мне нужно сделать вдох. Мне нужно написать письмо Джун, иначе она не найдёт мои подсказки.

— Пожалуйста, отпусти меня на эту ночь, — шепчу я. — Я обещаю отдать тебе душу завтра.

Голоса, как цепные псы, начинают скулить и забираться обратно в свои клетки. Головная боль отступает, и я начинаю дышать спокойно. Ритм моего сердца приходит в норму.

Пока могу, я начинаю выкручивать и уезжаю, дорога расплывается, но я каким-то чудом добирюсь.

Словно пьяный, я иду по дорожке к дому и резко открываю дверь, она ударяется с громким стуком об фасад. Мои тяжёлые шаги нарушают тишину, когда я иду по лестнице, хватаясь за перила, чтобы не упасть.

Мне нужно успеть написать письмо, пока мне не стало хуже.

Ручка касается листка, я как только могу вывожу старательно все буквы. Пытаюсь придумать в своей голове пару остроумных строчек, чтобы поднять Джун настроение. Я хочу снова стать причиной её улыбки.

Пожалуйста.

Я хочу миллион фото её улыбки и смеха.

Мне нужно больше.

Я заканчиваю писать, и именно в этот момент тьма заставляет меня рухнуть на пол.

Чёрт, мне нужно отправить его. Она не должна ждать так долго.

Мерзкие щупальца появляются из стен моей спальни. Они становятся больше и касаются моих шрамов. Я кричу в темноту. Змеи безумия сковывают меня, и нет никакой надежды выбраться из этого ада, не потеряв ещё один кусочек себя. Щупальца начинают бить по моей коже, как плети. Они раздирают меня до мяса, я могу видеть свои чёрные кости. Слезы скатываются по моему лицу и зрение затуманивается.

Я всегда мечтал быть нормальным. Я мечтал доделать дом, завести для Кики друга. Я мечтал дотянуться до своих возможностей нормального человека, но я проигрываю своему разуму, я остаюсь изгоем своих собственных возможностей.

Громкий злой смех искажает мои черты. Я пытаюсь вырвать эти щупальца, которые уже впились в мою кожу своими острыми зубами.

Терпи. Терпи. Это пройдёт.

На заднем фоне я слышу, как детские ладошки бьются друг о друга.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Умоляю, пусть это будет просто игра. Умоляю. Я не хочу, чтобы моя малышка переживала это снова и снова. Как и каждый раз, в мою голову врывается резко дикий надрывный плач и рычание моего отца.

— Алекс, Алеееекс, мне больно, помоги мне. — Её голубые глаза появляются сквозь мрак. По её детскому лицу скатываются слёзы, и она глотает этот солёный океан.

— Ты бесполезный кусок дерьма, сын, — рычит отец. — Ты не смог удержать нашу семью от падения.

Рычание вырывается из его чёрного рта, жижка сползает из его губ и капает на пол. Я чувствую, как начинаю тонуть. Мои лёгкие будто заполняются кислотой. Моё тело сокращается

в конвульсиях. Сердце выпрыгивает из груди, я сворачиваюсь в клубок на полу и проваливаюсь в темноту.

Тьма. Тьма. Тьма.

Ощущение, будто я плыву по реке. Вода уносит меня всё дальше, и я не сопротивляюсь этому потоку.

Я прихожу в себя, когда за окном вижу последние следы заката. Я лежу на полу, руки раскинуты по обе стороны, тело обездвижено. Пытаюсь пошевелиться, но мышцы пронзает сильная боль. Из последних сил я поднимаю руки к лицу и вижу, что их уродуют глубокие царапины от ногтей, кровь засохла и оставила жуткие следы.

Я приподнимаюсь и вижу, что моя одежда кучей лежит рядом. Ноги покрыты такими же царапинами, как и руки.

Мне нужно спешить, у меня осталось слишком мало времени.

Мой разум сопротивляется из последних сил.

Я встаю и, шатаясь, дохожу до ванны. Включаю воду, медленно вступаю под душ.

Вода окрашивается в красный, алые струйки сворачиваются, как змеи, и уползают в слив.

Смыв с себя ужас приступа, я выхожу и одеваюсь. Чёрная толстовка, чёрные джинсы, сверху — жёлтый дождевик, берцы. Беру нежно письмо и прячу в карман, чтобы не намочить его под дождём. Я слышу, как капли в бешеном ритме стучат по стеклу окна и сильный ветер делает погоду только хуже.

Добегаю до машины и завожу, она оживает с громким ревом. Я открываю окно и закуриваю, дым успокаивает мои нервы, помогает пережить последствия сегодняшнего вечера. «We Hit a Wall» — Chelsea Wolfe играет тихо из колонок.

Я достаю из кармана конверт и сравниваю адрес с тем, куда я сейчас направляюсь. Всё, точно.

Сегодня я должен подработать почтальоном.

Я бросаю машину в лесу и решаю остальной путь идти пешком. Дождь пропитывает мой дождевик и волосы, капли скатываются и падают с чёрных прядей, ветки бьют по лицу, но я не обращаю на это никакого внимания. Фонарик моргает и толком не освещает лес, но я знаю эту тропу. Я дойду и в темноте.

Вдалеке я вижу тусклые искры света от уличных фонарей, которые освещают мою цель на сегодня.

Милое семейное гнездышко, большой дуб и качели, аккуратно подстриженный газон. Взглядом я нахожу почтовый ящик и бегу к нему, пока темнота позволяет сделать всё незаметно. Подхожу и пытаюсь не шуметь, поднимаю крышку и медленно кладу письмо.

Я рассматриваю окно на втором этаже, света не видно. Какова вероятность, что именно там её комната, куда указывают ветви дуба?

Кто я такой, чтобы не проверить?

Ты не должен этого делать.

Я просто посмотрю.

Высокий дуб тянется вверх, я начинаю карабкаться по его ветвям, руками хватаюсь за более крупные ветки и переставляю ноги. Доползаю до окна и смотрю внутрь. Бледно-зелёные обои, пушистый коврик у кровати, около окна спит чёрный кот.

— Ну привет, Бу.

Это её комната.

Какое везение.

Как можно бесшумно я отодвигаю окно вверх. Порыв ветра и дождя мешает мне закинуть ногу, но я справляюсь. Бу смотрит на меня своими светящимися глазами и не издаёт ни звука.

Умный кот.

Я медленными движениями глажу его, и он ластится ещё больше.

Я поворачиваюсь и застываю. Её тёмные волосы рассыпаются по подушке, вокруг глаз — милые морщинки. Она хмурится, ей явно что-то снится.

Как можно медленно и бесшумно я подхожу к кровати Джун. Когда я опускаю голову ближе к ней, то капли дождя начинают капать с моего капюшона на её подушку, и одна из них попадает на её щёку, она начинает хмуриться и поворачивается набок, как раз лицом прямо ко мне.

Я слабею.

Я падаю на колени перед этим нежным пасмурным днём.

Моя голова опускается совсем рядом на подушку. Я рассматриваю её милые веснушки и длинные ресницы. Она так мирно спит и даже не представляет, что я нахожусь рядом и вдыхаю один и тот же воздух с ней.

Моя рука поднимается машинально, лёгким движением, как перо, я глажу её по щеке. Она шевелится и шепчет что-то невнятное. Порыв ветра касается её волос, и пряди немного поднимаются вверх, я вдыхаю запах её шампуня, прикрыв глаза. Её кожа покрывается мурашками, лунный свет касается плеч, и она вздрагивает, пытаясь натянуть одеяло чуть выше на себя.

Она выглядит волшебной, как ведьма из могучего ковена, фея из тёмного леса. Я будто замороженный люблю её.

Её ресницы дрожат, и тихий вздох вырывается из пухлых губ.

Я медленным движением беру край одеяла и натягиваю на неё, до самого подбородка.

Она не должна мёрзнуть.

Никогда.

Я бесшумно поднимаюсь с колен и разворачиваюсь обратно к окну, но вдруг я замечаю календарь около её зеркала. 31 октября обведено в яркий красный круг, и рядом нарисованы маленькие шарики и торт, цифра 18 написана жирным маркером рядом.

Оу. У моего пасмурного дня сегодня день рождения.

Не думая, я тянусь к серебряной цепочке у меня на шее. Щелчок замка — и аккуратная цепочка оказывается у меня в руках. Кулон в виде маленькой, прозрачной капли дождя украшает эту хрупкую вещь. Я вешаю цепочку на зеркало и желаю Джун прекрасного дня.

Бесшумно выбираюсь из окна и спускаюсь по дереву уже более уверенными движениями. Цепляюсь за ветви и прыгаю на землю, бегу через идеальный газон, не оборачиваясь назад, чтобы не потерять время и не быть замеченным.

Я возвращаюсь тем же путём, фонарик подсвечивает дорогу, лучи света смешиваются с туманом, а внутри меня происходит то, что я не чувствовал никогда в своей жизни. Странное тепло, которое начинается где-то в районе груди и заканчивается на самых кончиках пальцев.

Мне кажется, что я только что сам себе подписал приговор, не осознавая этого.

ГЛАВА 10

ДЖУН

Что с нами теперь будет?

Прошлом, 18 лет, Торнвейл

Я просыпаюсь от громкого пения моих родителей. Сквозь сонные глаза разглядываю их счастливые силуэты, которые танцуют в дверном проёме. Мама подходит и садится на край кровати, держа в руках красивый праздничный торт, он украшен милыми рюшами, и восемнадцать свечей горят на этом сладком угощении.

— С днём рождения, милая. Ты так выросла, малышка.

Папа кладёт нежно руку на плечо мамы и пытается сдержать слёзы. Мои вот-вот тоже упадут с глаз.

— Задуй свечи и загадай желание, — подбадривает папа.

Я вдруг задумываюсь: чего бы я хотела больше всего? Наверное, чтобы моя жизнь сложилась так, чтобы я не пожалела ни об одном прожитом дне. Мне не нужны скучные дни — я хочу много путешествовать, увидеть мир. Хочу зарываться пальцами ног в песок и ловить солнечные лучики на своём лице. Хочу разделять такие моменты с любовью всей своей жизни.

Я смотрю на свечи, закрываю глаза, набираю воздуха и дую изо всех сил. Маленькие огоньки начинают тухнуть один за другим. Родители хлопают в ладоши и обнимают меня так крепко.

Я люблю их.

Очень.

День проходит достаточно быстро и насыщенно, много смеха и поздравлений. Мы съездили с родителями в боулинг, поиграли в семейные настольные игры, объедались мороженым. Кесси подарила мне книги, которые она привезла из России, и сертификат в книжный, чтобы я могла утолить свою жажду чтения ещё больше. Мама решила приготовить скромный, семейный праздничный ужин, и мы отлично провели время все вместе.

Я не люблю шумные вечеринки и громкие праздники, но в этот раз у меня не получилось отсидеться дома: Кесси решила, что мои 18 мы должны отметить, как следует, и я не смогла ей отказать, когда она смотрела на меня глазами брошенного щенка.

Я стою посреди огромной кучи одежды, которая разбросана по полу, я не могу определиться, что мне надеть. Все мои платья и кофты кажутся детскими или подходящими больше для походов в лес.

Мой выбор останавливается на чёрных кружевных колготках, мини-юбке с топом и кожаной чёрной куртке, которая сможет спасти меня от холода. Дополняю свой образ чёрными берцами.

Макияж хочу сегодня сделать ярче, более праздничный и заметный.

Как только я начинаю наносить серые дымчатые тени на глаза, мой взгляд падает на тонкую серебряную цепочку с кулоном в виде маленькой, прозрачной капли.

Странно. Я раньше не видела такой цепочки у меня.

Может, это подарок от родителей? Но они ничего мне не говорили.

Я пожимаю плечами и защёлкиваю цепочку вокруг шеи. Кулон идеально смотрится на мне. Маленькая капля блестит и красиво переливается, она выглядит так чисто и невинно, напоминая мне каплю дождя.

Смотрю ещё раз на себя в зеркало и убеждаюсь, что я довольна тем, как выгляжу. Мои гладкие чёрные волосы спускаются чуть ниже поясницы, зелёные глаза подчёркнуты макияжем в стиле гранж, одежда выглядит подходяще.

Как только я слышу сигнал машины Кесси, накидываю кожаную куртку и выбегаю. Когда я спускаюсь по лестнице, мама мило изображает свист, а папа хмурится.

— Малышка, ты выглядишь потрясающе, — мамина улыбка не сходит с лица. — И очень похожа на меня в молодости. — она подмигивает мне и смотрит на реакцию отца. — О, я горжусь этим.

— Спасибо, мама. — Я хихикаю и обнимаю её.

— Джун, твоя юбка не слишком короткая? — ворчит отец, когда я уже собралась выходить.

— Пап...

Мама толкает его игриво плечом, и он улыбается ей.

Я подбегаю и чмокаю их быстро в щёку, и вылетаю за дверь, чтобы папа не успел передумать и не стал читать мне очередную лекцию о безопасности в компаниях и что перцовый баллончик всегда должен быть у меня в сумке.

Прохожу мимо почтового ящика, и мои пальцы начинают покалывать от любопытства. Интересно, там есть для меня что-нибудь? Я медленно открываю ящик, и чёрный конверт бросается в глаза, улыбка сразу же расцветает на лице, я прижимаю конверт к себе.

Это странно, что я так радуюсь письмам от него, да?

Дрожащими руками я убираю конверт в сумку и решаю открыть его, когда буду одна. Необъяснимое чувство защиты просыпается внутри меня к этим письмам. Я хочу, чтобы они были только мои.

Я слышу, как Кесси кричит из машины свои поздравления и выбегает меня обнимать. Она кружит меня за руки и разглядывает снизу вверх.

— Чёрт, ты горячая, — говорит она, не скрывая восхищения. — Если бы я была парнем, то разорвала бы это тело.

Я начинаю смеяться и обнимаю её.

Кесси выглядит просто потрясающе. Длинные волосы уложены в аккуратную укладку, волны спускаются по спине. На её лице — яркий макияж смоки-айс, карие глаза горят огнём. Её тело облегает чёрное мини-платье с вставками из кружева. Чёрные колготки и берцы дополняют этот образ готической куклы Братц.

— Кесси, ты тоже выглядишь очень круто, — говорю я. — Все парни сойдут с ума.

— Ты же знаешь, что они меня не интересуют, — фыркает она. — И если этот милый хорёк Рори решит снова попытать свою удачу, то тогда я точно откушу ему голову.

— Я надеюсь, что он почувствует угрозу и тем самым спасёт свою жизнь.

Мы хихикаем и садимся в машину.

Песня «Smells Like Teen Spirit» — Daisy Gray громко звучит из колонок. Мы открываем окна, и Кесси смеётся, толкает меня в плечо, когда мы выезжаем на главную дорогу.

— Кстати, где сегодня проходит вечеринка?

— Где-то около старого кладбища. Калейб сказал, что там есть постройка, которая идеально подойдёт. Сегодня же ещё и Хэллоуин, милая. Идеальное место, правда? Жуткое кладбище и всё такое.

Я на секунду задумываюсь и киваю.

— Надеюсь, там будет атмосферно. В прошлом году Тейлор чуть не утонул в озере — говорили, что это было весело.

Кесси хмыкает и поворачивает на дорогу, ведущую в лес.

Деревья мелькают и уходят высоко в облака. Сегодня ночью небо чистое, звёзды и луна ярко освещают всё вокруг, и я не могу оторвать взгляда от такой красоты.

— Наверное, и правда было весело, — говорит она. — Но они ведут себя как дети. Пока Тейлор тонул в озере, его лучший друг Микки трахал его подружку, а вот это уже было совсем не весело. Иногда они ведут себя как дикие животные.

Я морщусь и пытаюсь вспомнить лицо Микки. Я не часто обращаю внимание на одноклассников.

— Мы подъезжаем.

Я всматриваюсь вдаль и вижу, как маленькие лампочки украшают деревья вокруг. Везде развешены костры в бочках. Искусственная паутина и жуткие муляжи пауков развешаны на ветках. В тыквах, которые расставлены по всей территории, аккуратно вырезаны глаза и рот, а внутри светятся огоньки от маленьких свечей.

Осматривая людей вокруг, я замечаю, что все в костюмах. Я насчитала как минимум три человека-паука. И, о боже... Рори, мать его, Дэквуд стоит в костюме ангела, но его крылья сзади кажутся вырванными и залиты чем-то красным, похожим на кровь. Его глаза подведены чёрным карандашом, а волосы в полном беспорядке. Две потрясающие девушки в костюме дьяволиц висят на его широких плечах, и он улыбается им, когда что-то оживлённо рассказы-

вает. Но как только он замечает нашу машину, то скидывает с себя девушек, и его глаза следят за Кесси, которая пытается найти место на стоянке.

Я толкаю её плечом и указываю незаметно на Рори.

Кесс хмурится и без всякого стеснения шурит глаза, пытаюсь разглядеть его со всех сторон.

— Напомни мне, а в какой момент Рори Дэквуд стал сексуальной машиной? — шепчет она.

— Ну... может, когда снял с себя костюм своего умершего деда и надел что-то в виде тряпки, еле прикрывающей его задницу, — шепчу я в ответ.

Глаза Рори не отрываются от Кесси, я вижу, как он обдумывает каждое своё действие и решает, подходить ему или нет.

Как только он замечает, что я на него пялюсь, то вдруг широко улыбается и машет мне.

Кесси толкает меня в плечо и цедит сквозь зубы:

— Не смей привлекать его внимания.

— Он уже нас увидел, мне что, сделать вид, будто я слепая и мы только что не пялились на него? — я отвечаю ей, не отводя взгляда от Рори.

Кесси вздыхает и натягивает улыбку, махая Рори в ответ.

Я наконец-то перевожу свой взгляд на других людей, и тут до меня доходит.

— Мы без костюмов, Кесси.

Моя подруга паркует наконец-то машину и оборачивается ко мне.

— Загляни в бардачок. Я украла у своего младшего брата рожки дьявола. Они ему не нужны — он и без этого маленький Люцифер.

Я киваю с улыбкой и пытаюсь найти в темноте то, что будет нашим «костюмом» на этот вечер. Я передаю одну пару Кесси и следом надеваю свои. Рожки светятся в темноте и выглядят довольно мило.

Улыбнувшись друг другу, мы выходим из машины. Музыка очень громкая, толпа ходит то тут, то там. Некоторые выпили уже очень много, и по их походке кажется, что они готовы уснуть прямо в костре.

Какой-то парень с знакомым лицом суёт мне и Кесси стаканчики в руки.

— Эй, что это?

Парень подмигивает Кесси.

— Моё лучшее зелье. Полетайте, малышки.

Мы с Кесси одновременно выливаем напиток в траву и выбрасываем стаканчики в мусорку. У нас есть правило: не пить всякую дрянь. Мы не хотим проснуться в свои восемнадцать и осознать, что натворили глупости, которые уже нельзя будет исправить.

— Я пойду принесу нам пиво, хорошо? Подожди меня тут.

Я киваю Кесси и осматриваю толпу. Подхожу к бочке с огнём и грею руки. Хоть дождь и прекратился, на улице всё равно очень холодно. Мои глаза бегают по лицам людей, но я почти никого не узнаю, особенно в гриме.

Я смотрю прямо в лес, и моё внимание привлекает жёлтое пятно. Между надгробий, украшенных каким-то хэллоуинским хламом, стоит человек. Я не могу разглядеть его лица, но он очень высокий. Силуэт стоит неподвижно и смотрит в мою сторону. Его голова под капюшоном склоняется в сторону, и хоть я не вижу его глаз, я чувствую, что он смотрит на меня. Странные мурашки покрывают мои руки, и как по инстинкту я тянусь к тонкой цепочке у меня на шее, пальцами кручу маленькую слезу и сжимаю в руке. Его голова начинает медленное движение в другую сторону.

Сейчас он мне напоминает хищника, на Discovery я видела, что так волки высматривают свою добычу.

Я отворачиваю взгляд. Сегодня здесь много придурков, может, кто-то напился и возомнил себя животным?

Идиоты.

Рядом появляется Кесси и передаёт мне бутылку пива.

— За тебя, моя нежная Джун. Ты знаешь, что я люблю тебя и всегда буду любить.

— И я тебя люблю, Кесси, и всегда буду любить.

— Клятва на мизинцах? — шепчет она.

— Клятва на мизинцах, — отвечаю я.

Мы подносим наши бутылки друг к другу и чокаемся.

Я отпиваю пару глотков и смотрю в ту точку, где был жёлтый силуэт, но уже никого нет. Я вижу только темноту и маленькие огоньки от фонариков.

Мы протанцевали с Кесси почти три часа, отчего мои ноги уже просят пощады.

Я мечтаю сейчас снять с себя всю одежду, пропахшую костром, принять ванну и наконец-то хорошо выспаться.

Я беру Кесси за руку и притягиваю к себе, чтобы она лучше меня услышала.

— Подожди меня тут, я схожу в туалет, и мы поедем домой, хорошо?

— Сходить с тобой? Там довольно темно.

— Нет, не нужно. У меня есть фонарик на телефоне, я справлюсь.

Она кивает мне, и я ухожу к постройке, которая находится ближе к краю леса. Здание выглядит заброшенно, краска уже слезла почти со всего фасада, и крыльцо, на которое я сейчас наступаю, кажется таким хлипким, как будто вот-вот развалится подо мной. Внутри более-менее свободно. Поставлено пару диванов и пара кресел. Наверх ведёт винтовая лестница, одного взгляда на неё достаточно, чтобы понять, что каждая ступень — это риск сломать шею или ноги. Тусклые светильники на стене немного освещают путь наверх. Каждая ступень лестницы издаёт жуткий скрип, я делаю вдох облегчения, когда наконец добираюсь до второго этажа.

Моё внимание привлекает женский смех с правой стороны в самом конце, я решаю, что мне нужно двигаться туда.

Маленькими, медленными шагами я иду по тёмному коридору, держась рукой за стену, чтобы не потерять курс направления. Мне остаётся два шага до нужной двери, но резко чья-то рука хватается меня за предплечье, и моё тело оказывается прижато к стене, и звук захлопывающейся двери доводит меня до дрожи.

Моё сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я пытаюсь оттолкнуть того, кто держит меня, но ничего не получается. Моё тело ударяется о стену, в комнате темнота — я не вижу даже малейшего света.

Я чувствую медленное, почти нежное касание по моей щеке. Рука спускается ниже, к ключицам, к кулону. Незнакомец наклоняется к моей шее, и я чувствую его запах. Сырость и табак. Мой нос морщится, и я пытаюсь не вдыхать слишком сильно.

Моё тело дрожит от страха, пока незнакомец зарывается носом в мою шею. Я чувствую, как его зубы проходят по нежным участкам кожи.

Меня охватывает отвращение. Я пытаюсь оттолкнуть его изо всех сил, но он сильнее.

— Ты такая вкусная, Джун, — его глубокий голос проникает в меня и производит странный эффект. — Не мешай мне пировать на твоей коже.

Я чувствую страх и адреналин. Мой пульс гремит в ушах, мысли слишком быстро проносятся в голове.

Боже, что за идиот решил так подшутить надо мной.

Я набираюсь сил и пытаюсь снова оттолкнуть его, но мои запястья сковывают. Его рука охватывает их, как наручниками, и поднимает вверх над головой. Я пытаюсь ровно дышать, не показывать, как сильно я его боюсь. Хищники чувствуют страх своей добычи, а я не собираюсь ею

быть. Собираю всю свою смелость и поднимаю голову вверх — по тому, как ткань его капюшона касается моего лица, я понимаю, что смотрю ему в глаза.

Он одобрительно хмыкает и сжимает мои руки сильнее.

— Ты даже не представляешь, какую ошибку совершила, Джун. Не подозревая, ты провела обряд, ведьма, — шепчет идиот.

Его нос касается нежно моей щеки и спускается ниже, по скулам. Его рука также крепко сжимает мои запястья.

— Как ты думаешь, Джун, что с нами теперь будет? — его губы прямо у моего уха. — Ты думаешь, это закончится чем-то хорошим?

Я чувствую, как его тело прижимается к моему, и пытаюсь двигаться, ударить коленом. Отвращение и испуг берут верх. Я хочу закричать со всей силы, так громко, как могу. Но он каким-то образом предугадывает мой план и закрывает мне свободной рукой рот.

— Веди себя хорошо, Джун. Ты же не хочешь, чтобы я наказал тебя в твой день рождения, правильно?

Мне не хватает воздуха. Паника начинает овладевать мной, я пытаюсь взять себя в руки и думать.

Думай. Думай. Думай.

Единственное решение, которое появляется в моей голове, — это подыграть ему и сделать вид, что эта глупая шутка веселит меня, как и его.

Моё тело расслабляется и движется ближе к нему. Я чувствую, как он начинает дышать более прерывисто, как рука на моих запястьях перестаёт так сильно их сжимать.

— Ты сводишь меня с ума, Джун. Так не должно быть, — его губы нежно блуждают по моей коже вокруг шеи.

От шока я не могу ему ничего ответить. Открываю рот и тут же закрываю — его рука, прижатая к моему рту, мешает дать хоть какой-то ответ, как-то ему возразить. Я лишь сильнее прижимаюсь к нему, чтобы дать надежду того, что мне это всё тоже нравится.

Как только я чувствую, что его тело поддаётся моему обману и его рука отпускает мои запястья, я начинаю яростно дёргаться в его руках, извиваться как змея, и у меня получается ударить его коленом прямо в пах.

Он отпускает мои руки и шипит от боли. Я не теряю времени, быстрым движением отхожу от него, открываю дверь и вырываюсь наружу. Когда я начинаю бежать по лестнице, то слышу маниакальный смех этого придурка.

Что это, блять, за шутки? Какой идиот мог придумать такую хрень?

С гневом быстрым шагом я иду к машине Кесси.

Я сажусь на пассажирское сиденье и захлопываю дверь. Кесси сразу чувствует моё настроение и хмурится.

— Что случилось? Ты напугана, Джу-Джу.

— Один придурок, видимо, решил меня разыграть. Затащил в тёмную, пыльную комнату и говорил какую-то хрень. Я пнула его и убежала.

Моя подруга начинает что-то яростно искать в бардачке.

— Надеюсь, ты хочешь найти огромный дилдо и наказать этого мудака. Но чур я буду первая.

Её злые глаза смотрят на меня, и рука взмахивает вверх.

— Нашла! Пошли найдём этого идиота и зальём его глаза этим перцовым баллончиком. Какого хрена он вытворял? Если он так хотел познакомиться, то у меня для него плохие новости.

— Я не видела его лица, Кесси. Даже очертания одежды или костюма. Так что мы не можем пойти и угрожать всем подряд.

Кесси горит от злости и ударяет по рулю.

— Почему эти тупые подростки думают, что могут делать что хотят? Он мог нанести тебе психологическую травму. Я не хочу, чтобы при виде члена ты начала заикаться, Джун! — Она смотрит на меня серьёзным взглядом. — Что? Почему ты смеёшься? Не говори, что ты уже сошла с ума!

Я смеюсь ещё больше и сжимаюсь пополам. Маленькие солёные капли выступают из глаз, я убираю их ладонями.

— Я люблю тебя, Кесси, и у меня нет фобии члена, клянусь.

Мы смеёмся вместе и обнимаем друг друга.

— Ты же мне скажешь, если что-то случится, да? Если вдруг тебя кто-то обидит. Я не переживу, если не смогу тебя защитить.

— Я сделаю то же самое для тебя, Кесси. Но, судя по твоим предпочтениям, мне придётся надрать задницу восьмидесятилетнему старику.

— Ах ты маленькая сучка.

Она сильно толкает меня в бок и начинает смеяться.

— Клятва на мизинцах?

— Клятва на мизинцах.

Кесси привозит меня домой ближе к часу ночи. Свет в доме выключен — родители уже спят. Я без шума открываю дверь и снимаю обувь. На цыпочках поднимаюсь по лестнице в свою комнату.

Снимаю одежду и быстро принимаю тёплый душ, смывая с себя пыль и весь этот вечер. Как только я чувствую себя чистой, то выключаю воду и вытираюсь быстро мягким полотенцем. Моя любимая пижама висит на крючке двери, и как только я оказываюсь в ней, то таю от блаженства.

Я запрыгиваю в кровать и сразу же тянусь к своей сумке за предметом, который занимал мои мысли целую ночь.

С большим азартом я открываю чёрный конверт.

В мои руки сразу же выпадают маленькие Polaroid-снимки. Я рассматриваю их, и на моём лице появляется широкая улыбка. На первом снимке я вижу отправителя этих писем. Его лицо крупным планом и рядом маленький аквариум. Светло-серые глаза смотрят как будто в самую глубь меня, они завораживают и кажутся слишком светлыми. Я думала, что такие глаза бывают только у призраков. Смотря всё больше в них, я как будто оказываюсь в потустороннем мире. Я нахожусь в лимбе, тянусь к его душе в поисках всех ответов на мои вопросы.

Он красив. По-настоящему красив.

Выразительные черты лица, чёрные как уголь волосы, мокрые пряди падают на лоб, выделяющиеся скулы, пухлые губы и шрам на щеке, но он не портит его красоту, а лишь дополняет. Мне интересно узнать эту историю — как он его получил? Судя по виду, это случилось давно.

Я не могу перестать на него смотреть: мои глаза бегают по этому фото, и каждый раз возвращаются к его глазам. У меня складывается ощущение, что теперь, когда я их увидела, я никогда не смогу их забыть.

С большим усилием я начинаю рассматривать снимок дальше. В аквариуме рядом плавает маленькая рыбка. Красивая, золотого цвета, её чешуйки переливаются даже на фото. Внизу я вижу подпись: *«Это Кики. Она рада с тобой познакомиться»*.

Следующее фото, видимо, сделано в темноте. Я шурю и пытаюсь разглядеть, что там изображено. Я вижу деревья, ветви... и что это? Надгробия? Это кладбище?

Снизу фото — надпись: *«Я надеюсь, тебя не испугал этот снимок. Я просто хотел показать пристанище моих лучших друзей. Ну и похвастаться своей работой»*.

Он работает на кладбище?

Вспышки воспоминаний срабатывают в моей голове. Механизм запущен. Тот жёлтый силуэт между надгробий? Это был он? Почему он не подошёл и не заговорил? Или мне показалось?

Боже.

У меня столько вопросов.

Мой нежный пасмурный день,

Ты хотела знать пару фактов обо мне, и я думаю, по одному из фото ты уже догадываешься, что у меня есть моя подружка Кики. Она не очень-то разговорчива, но за это я её и ценю.

Второй факт обо мне: я работаю на кладбище. Ничего такого — просто присматриваю за теперь уже вечными домами моих друзей.

Мой любимый фильм — «Терминатор». Я посмотрел его в первый раз, когда мне было девять. И пообещал себе и своей малышке, что буду таким же сильным. Но я думаю, что не выполнил это обещание, Джун.

Мой любимый цвет — чёрный.

Моё хобби — столярное дело. Этому меня научил мой дедушка. Я часто ездил к нему, когда просто хотел быть обычным ребёнком и соответствовать своему возрасту. Хотел дышать полной грудью и засыпать без забот.

Мы с ним часто ходили в лес и собирали старые коряги. Я как-то набрался юношеской смелости и задал ему вопрос: «Зачем мы тащим домой этот хлам?» Тогда я получил свой первый подзатыльник и тащил все эти деревяшки один до самого дома — а это, к слову, около полутора миль пешком под солнцем.

Чуть позже, вечером, когда мы очищали их от грязи, дедушка сказал, что каждый предмет особенный. В каждую такую деревяшку можно поместить душу своими руками. Подарить способность жить вечно. Поверь, такой ребёнок, как я, тогда не понял сути. Но спустя почти пятнадцать лет я осознал. Он был прав. Я хочу оставить после себя как можно больше вечности.

Если говорить про более скучные факты: моё имя Алекс, мне двадцать один, и я безумно ворчливый.

Я начал читать книгу по твоей рекомендации и напишу тебе свой отзыв, обещаю. Твой лучший балл по литературе у тебя в кармане.

Ну а теперь к делу, верно?

Я прошу тебя сходить в библиотеку, улыбаться так широко, как ты сможешь, женщине за стойкой.

Кстати, её зовут Мария.

Попроси её найти для тебя книгу автора Томаса Харриса. Но, возможно, ты уже сейчас догадалась, что это за книга. Так что да — обложку ты узнаешь сразу.

P.S. Ты так безумно красива. Спасибо за эти мгновения, когда я смотрел на твоё фото. Это были минуты, часы и дни рая. Улыбайся чаще, мой пасмурный нежный день.

Твой не-друг,

Алекс

Когда я перечитываю строчки, где он называет меня красивой, мои щёки начинают гореть огнём.

У меня хорошая самооценка, я считаю себя симпатичной, но, читая его слова, внутри меня зарождается удовольствие и смущение.

Мне нравятся его комплименты.

Прижимая к себе письмо, я ложусь в кровать и мечтательно вздыхаю.

Мне слишком сильно начинает нравиться наше общение, и пока я не могу понять, хорошо это или плохо.

ГЛАВА 11

ДЖУН

Ты скучала по мне?

Настоящее время, 22 года, Хоупвуд

Мы с Кесси проработали в клинике уже почти три недели. Признаюсь честно, сначала было трудно. В первый же день мы стали живыми мишенями для выноса мусора, иногда нас повышали до должности «*заменить бумагу в принтере*».

Со временем мы привыкли к режиму работы и увидели свои плоды. Персонал начал больше доверять. Нас допускали выводить пациентов на улицу и проводить с ними время.

Так я познакомилась с Розой.

Ей пятьдесят три года, и она попала сюда по собственному желанию. После смерти мужа она начала слышать голоса и странную музыку по всему дому. Сначала она успокаивала себя тем, что просто таким образом переживает утрату.

Со своим мужем Риком она познакомилась, когда им было по четырнадцать. Они ходили в одну школу и влюбились друг в друга.

Всё сложилось отлично — они прожили счастливую семейную жизнь, их любовь не угасла с годами, а стала только сильнее. Потеря Рика ударила по ней. Роза резко постарела и, как теперь понимает, начала терять рассудок.

Музыка, которую она слышала, пугала её. Поначалу она не узнавала мелодию, но с каждым днём слова и звуки становились громче и чётче. Это была их любимая песня — они поцеловались на школьном балу в первый раз именно под неё. А потом голоса стали шептать странные и пугающие вещи, которые могли причинить вред не только ей, но и окружающим.

Галлюцинации сопровождали её вечера, и в одну ночь она осознала, что просто больше не может справиться со своей проблемой самостоятельно. Роза связалась с доктором Моро через знакомых и попала в клинику.

Лечение ей помогает, но она призналась мне, что иногда слышит ту мелодию до сих пор и в такие моменты зовёт своего мужа, чтобы успокоить себя.

История Розы что-то затронула внутри меня. Она добрая женщина, и мне печально, что ей пришлось попрощаться так рано с любовью всей своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.